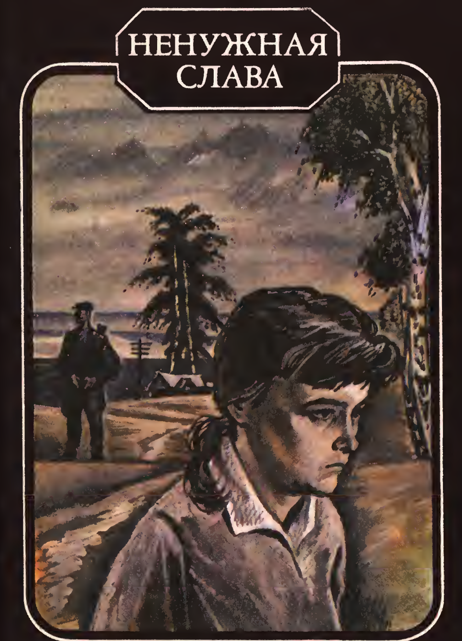
Сергей Воронин

НЕНУЖНАЯ СЛАВА

Сергей Воронин

НЕНУЖНАЯ СЛАВА

ПОВЕСТЬ

«СОВРЕМЕННИК»
Москва
1986

Р2
В75

Воронин С. А.

В75 Ненужная слава: Повесть.— М.: Современник, 1986. — 63 с.

Творчеству лауреата Государственной премии РСФСР имени А М. Горького Сергея Алексеевича Воронина присуще пристальное вниманне к человеку, к его жизнн, стремленне «философски изучать состояние человека в обществе» — осмыслять общественные процессы.

В повести «Ненужная слава» пнсатель прослеживает путь восхождения доярки Екатернны Лукониной до высот крупного руководнтеля — председателя колхоза, депутата Верховного Совета — и сопряженную подчас с этнм ломку характера и представлений о реальных жизненных ценностях.

В $\frac{4702010200 - 234}{М106(03) - 86}$ КБ-11-031-86.

ББК84Р2
Р2

1

Никогда не скажешь заранее, что принесет любовь. Малахову она принесла столько горького, что не доведись никому испытать! Но эта горечь явилась много позднее того дня, когда он впервые увидел Екатерину Романовну Луконину — Катюшу, как ее запросто называли свои.

В тот год шла война. До села Селяницы, растянувшегося по берегу Волги на три километра, не долетали вражеские самолеты, не доносился гул орудий, но все же война чувствовалась: почти не осталось мужчин в колхозе, все чаще раздавался бабий плач, все труднее было подымать землю — МТС не работала.

Но что удивительно — земля, словно понимая всю тяжесть свалившегося на страну бедствия, приносила невиданно богатые урожаи: каждый куст картофеля давал по ведру клубней, травостой был такой, что не продиралась коса.

Малахов приехал в колхоз за сеном. Часть, в которой он служил, стояла много ниже Селяниц, в стороне от заливных лугов. В эту часть он попал недавно, после госпиталя. На первых порах был рад тому, что может свободно ходить, что-то делать, хотя после рева снарядов, грохочущих танков никак не мог свыкнуться с покоем далеких от битв деревень, с людьми, которые больше говорили о своих делах, нежели о войне. Поэтому он приехал в Селяницы хмурый. Его раздражали куры, беспечно купавшиеся в пыли, мальчишки, тащившие корзину с плотвой, две женщины, смеявшиеся у колодца.

Он остановил коня и спросил тем отрывистым голосом, каким всегда разговаривал с провинившимися солдатами, где председатель колхоза.

Женщины переглянулись и, улыбаясь, хотя, как казалось Малахову, улыбаться было нечему, перебивая одна другую, ответили, что председатель уехал за Волгу, а если нужна Катюша Луконина, то она, поди-ка, на ферме. И Малахов понял, что после председателя она первое лицо в колхозе.

Справа от села сверкала на солнце Волга, мирная река, ничем не похожая на ту, которая текла мимо фронтового города. Ту бомбили с воздуха, над ее водой носился запах гари, и вся она была продымленная, суровая. Здесь же неторопливо подымалась баржа, на песчаной косе, поджав ногу, стоял высокий кулик, недалеко от него на берегу паслись гуси.

Вдоль дороги тянулись дома, то покосившиеся, со сдвинутыми на лоб козырьками крыш, то двухэтажные каменные, то обшитые в елочку, с красивыми, резной работы, наличниками, такими затейливыми, каких еще не доводилось видеть Малахову.

Некогда это было торговое село. Славилось оно картофелетерочными заводами, ветряными мельницами, базарами и престольным праздником, который назывался «третий спас». В гражданскую войну село дважды полыхало от рук «зеленых» — сгорели заводы; словно отбиваясь от огня, отмахали в последний раз крыльями мельницы, мало уцелело домов. Жизнь в Селяницах стала потише. Но все же раз в году воскресало прежнее буйное празднество «третьего спаса».

В первый день согласие и тишина царили на улицах. Даже заядлые недруги, забыв свои распри, стояли в церкви плечо к плечу, размашисто крестились и давали подзатыльники ребятишкам, если те начинали ершиться промеж себя.

Второй день праздника начинался с драки самых маленьких. За них вступались братаны постарше. Потом, поплевав на ладони, вырывали из огородов колья отцы и деды. И начиналось смертоубийство — с ножами, кастетами, гирьками. Единственный милиционер, зная повадки своих односельчан, забирался еще с утра в подпол и там терпеливо высиживал до полуночи, пока не стихали рев и вопли.

На третий день все обиды забывались, и жители Селяниц дружно выходили в поле, где уже стеной стояли боровчане, парни и мужики из другого приволжского

села. Тут уж баталия начиналась покрупнее. Самое главное было — не дрогнуть, не побежать. Бегущих избивали поодиночке, насмерть.

И опять целый год в Селяницах царили согласие и покой. Пострадавшие залечивали раны, вылеживались. Тех, кого «третий спас» отправил на погост, оплакивали матери, жены, невесты. Но село слишком большое, чтобы заметить потери,— и жизнь продолжала идти своим чередом.

Со временем нравы в Селяницах менялись. Из армии приходили толковые парни. Они в бога не верили, поэтому в «третий спас» работали. После коллективизации совсем уже отошел в область преданий престольный праздник с его поножовщиной. Какая же могла быть вражда, если «недруги» трудились в одной бригаде, а колхозы стали соревноваться друг с другом. Правда, поначалу соревнование проходило несколько странно, на издевках; если та или другая сторона допускала промашку. Постепенно и это прошло. Сдружились. Начали роднится. Например, Катюша Луконина из Селяниц вышла замуж за боровчанина Тихона Авдеева. Но ее жизнь — это особая линия, а что касается нравов в Селяницах, то они, бесспорно, изменились к лучшему.

Малахов застал Луконину возле фермы. Она стояла опустив голову, что-то считая на пальцах. На ее груди лежали две тугие косы, и он вначале подумал, что перед ним девушка.

— Предписано получить в вашем колхозе фураж. Прошу дать указание,— не слезая с коня, сказал Малахов и протянул документ.

Катюша, не разжимая на одной руке пальцев, взяла другой бумажку и, шевеля губами, стала читать, в то время как Малахов разглядывал ее. Нет, это, конечно, была не молоденькая девушка, а женщина. Но до чего же красива!

— Не знаю, что и сказать-то вам... У нас и самих в кормах недохватка,— ответила Катюша и неожиданно осветила Малахова яркими синими глазами. Они спокойно смотрели, выражая недоумение.

Нет, таких глаз он никогда не видал. Словно вся небесная синь Волги собралась в них.

— Ладно, — подумав, сказала Катюша, — завтра

будет в вашей части фураж.— И, не разжимая пальцев, ушла на ферму.

Малахов поглядел ей вслед, улыбнулся и, ударив коня, помчался по дороге.

Так произошла первая встреча Малахова с Катюшей Лукониной,— встреча случайная и мимолетная. Но что удивительно — не забылась, и стоило Малахову попасть в Н-ский госпиталь после второго тяжелого ранения, как он вспомнил эту женщину. Может, вспомнил потому, что Селяницы от Н-ска находились в каких-нибудь двадцати километрах. Не так уж далеко. И почему бы еще раз не встретиться с ней?

Катюша получила письмо поздно вечером. Недоуменно пожала плечами: кто бы это мог писать? Читая, она не сразу вспомнила того молодого офицера, который в прошлом году приезжал за сеном. А когда вспомнила, то чуть не всплакнула, представив, как, должно быть, одиноко себя чувствует этот офицер, если ей, совсем незнакомому человеку, шлет письмо. На маленьком листке бумаги он спрашивал о жизни колхоза и говорил, что будет рад получить ответ. Это письмо Катюша не сделала тайной: поговорила с Дуней Свешниковой, подружкой, парторгом колхоза, посмеялась, пожала плечами, не понимая, чего этот офицер вдруг вспомнил ее. И поехала, навязав узел гостинцев от колхоза.

Войдя в палату, она растерялась, не найдя среди раненых того человека, которого видела всего одну минуту. Воздух в палате стоял тяжелый, какой обычно бывает в хирургических отделениях. Некоторые раненые стонали, иные молча сидели на койках. Один, в самом дальнем углу, лежал с забинтованным лицом. В белые щели глядели черные злые глаза. Катюша испугалась, что этот больной и есть тот офицер, и от жалости у нее тоскливо защемило сердце. Но тут же позади услышала кашель, оглянулась и увидела Малахова. Она даже засмеялась от радости, что лицо его осталось неизуродованным.

Малахов не поверил глазам, когда увидел Катюшу. Серьезным и печальным был взгляд Катюши.

Малахов смущенно улыбнулся и сиплым голосом сказал:

— Вы уж извините меня... Побеспокоил я вас.

— Есть о чем говорить,— все больше жалея Мала-

хова, ответила Катюша. Она достала из узла деревенские гостинцы.— Это все наши вам прислали, чтоб скорее поправлялись,— тихо сказала она. Тут были и масло в банке, и яички, и молоко, и мед, и пироги, и колобки.— Как съедите, так и поправитесь.

— Разве съешь столько,— засмеялся Малахов.— Всей палатой надо работать неделю.

— Не расстраивайся, поможем,— заверил его сосед с пустым рукавом.

Катюша строго взглянула на него.

— Мед и яички не трогать,— сказала она и смутилась, поняв, что в палате все одинаковы и ей не следует так сурово отвечать.

— Вы уж скажите своему мужу — может, дома он, — что потому написал вам письмо, что никого другого в колхозе не знаю,— сказал Малахов и опять закашлялся.

— Я безмужняя,— просто ответила Катюша.

Малахов не стал допытываться, почему она безмужняя, но на сердце у него сразу повеселело.

Посидев немного и сказав, что проведает его в следующее воскресенье, Катюша простилась.

Когда она приехала во второй раз, Малахов чувствовал себя лучше. Разговаривал сидя. Катюша приписала это живительному воздействию меда и еще поставила литровую банку.

— Вы ешьте. Вам надо много есть. Тогда здоровые будете,— говорила она, открывая тумбочку. Увидев, что прежние гостинцы исчезли, поняла это, как и следовало понять,— помогли товарищи, и ничего не сказала, только велела сейчас же есть мед.

Малахов уверял, что и от того меда еще не отдохнул, но она заставила его, и он стал есть.

— Ваш мед? — спросил он.

— А чей же? Наш. Колхозный.

— Ну да, я и говорю, колхозный...

В палату свободно вливалось солнце. Было видно, как за окном, вспыхивая, торопливо срываются капли. Шла весна тысяча девятьсот сорок четвертого года. Выздоравливали раненые.

Малахов с восхищением смотрел на женщину. Ему нравились тяжелые девичьи косы. Было в Катюше что-то домашнее и такое открытое, что не надо придумы-

вать разговора. Он начинался сам по себе, как если бы Малахов говорил с близким человеком.

Уходя в этот раз, Катюша сказала, что вряд ли будет в следующее воскресенье — дела много.

— Не беспокойтесь. Поправлюсь — сам к вам приеду,— светло и радостно глядя на нее, ответил Малахов. Она спокойно выдержала его взгляд. Сказала, что рада будет видеть его здоровым. И ушла.

Он приехал ровно через месяц, с одним вещевым мешком, в котором лежали пара белья, сухой паек да еще отрез на шерстяное платье. Отрез он купил на толкучке, истратив все полученные за время болезни деньги.

Дом Лукониной был невелик, с узорчатыми наличниками, с крылечком. Перед ступеньками лежал каменный круг — старый жернов. Малахов продернул подошвами по шершавому камню и громко постучал в дверь.

— Входите! — послышался голос Катюши.

Он вошел, улыбающийся, довольный, что видит ее.

— Вот и я! На месяц прибыл.

Эта простота была так необычна для Катюши, что она ничего не могла сказать в ответ. А Малахов уже достал из мешка отрез и подал обеими руками.

— Зачем же это? — спросила она, не принимая подарка.

— В знак благодарности.— И накинул материю на ее плечи.

— Окна-то открытые! — воскликнула Катюша, отступая на шаг от Малахова.— Люди увидят, что подумают!

— Тут ничего плохого нет. Берите...

— Да что вы... Вам и самому деньги для здоровья нужны,— все еще не принимая подарка, ответила Катюша. Но на нее смотрели такие счастливые глаза, что их нельзя было обидеть, и тогда, слабо улыбнувшись, она сказала: — Ну, спасибо, прямо не знаю, чем и отблагодарить вас... Я ничего не готовила.

— А я сыт. У меня тут целый мешок сухого пайка,— Малахов подал его Катюше. Видя на ее лице недоумение, сказал: — Берите, берите! Не в отдельности же я буду кормиться.

И только тут она поняла, что офицер приехал именно к ней. И смешалась: жаль было обижать отказом и

никак невозможно согласиться, чтобы он оставался в ее доме.

— Право, не знаю, что и сказать,— растерянно ответила Катюша. И вышла в сени, чтобы успокоиться и все обдумать.

В маленькое окошко виднелся кусок синего неба. В сенях был полумрак. Где-то в темном углу ныл комар, оттаявший в этот теплый вечер.

Катюша приложила к горячим щекам ладони.

Вбежала Олюнька и, не заметив матери, проскочила в избу.

«Нет, его надо в другое место определить,— думала Катюша,— и ему будет спокойней, и мне лучше». Но когда она вернулась в избу, то увидала на столе весь сухой паек старшего лейтенанта, Олюньку с большим куском сыра и самого Малахова, беспечно сидевшего за столом.

— Ты хоть сказала спасибо-то дяде? — сурово спросила Катюша.

— Сказала,— продолжая грызть зажатый в кулаке сыр, ответила Олюнька.— И за конфетки сказала.— Она показала матери в другой руке кучку слипшихся разноцветных подушечек.

Катюша молча оделась.

— Через час приду,— отрывисто сказала она.

— Ладно. Мы тут с Олюнькой посидим,— ответил Малахов.

Катюша рано потеряла мать и осталась с отцом. Первое время отец крепился, много работал, баловал дочурку. Но потом стал пить. И однажды — тогда Катюше было уже восемнадцать лет — по пьяному сговору выдал ее замуж за сына Прокопа Авдеева — мрачноватого Тихона, жившего в соседнем селе.

Тихон с первых же дней поставил себя так, что онде осчастливил девушку, женившись на ней. Куражился. Бил ее. Все это кончилось тем, что Катюша убежала в свою деревню. Тихон ворвался к ней ночью, пьяный. Хотел выволочь за волосы. Но отец встретил его кулаками. И Катюша осталась. Вскоре отец умер. Еще раз пришел Тихон, когда она родила Олюньку, думая — теперь-то вернется. Но и тут просчитался. Катюша выгнала. Тогда ей было всего двадцать лет, но она хорошо узнала цену семейному «счастью» и ни за что на

свете не променяла бы свою одинокую свободу на это «счастье».

В Селяницах поначалу посмеивались над ней: что это, дескать, от мужа убежала с дитем. Но со временем злые языки поутихли, а добрые начали похваливать — живет себе скромно, дурного про нее не скажешь, на ферме лучше ее доярки нет. Казалось бы, ничего больше и не надо. О замужестве не думала, хотя знала, что Тихон еще перед войной женился в третий раз. Никто бы не осудил, если бы она вышла замуж.

Прежде чем пойти на ферму, Катюша зашла к старухе Выстроханской. Выстроханская жила одна. Дочки, выйдя замуж, поразъехались. Старик давно умер. Рыхлая, как оплывшая опара, она скучно доживала свой век. Катюша спросила, не сможет ли она пустить на месяц офицера, которому собирали гостинцы в госпиталь. И наверно потому, что хоть какое-то разнообразие войдет в ее дом, старуха оживилась. Но тут же настороженно посмотрела на гостью.

— А сама-то чего не пустишь?

— Да ведь неловко: люди всякое могут подумать.

— И-и, полно-ка, кто тебя осудит? Бабенка ладная, в одиночестве. Иль больно страшен с виду?

— Красивый,— улыбнулась Катюша и тут же посуровела: — Ну так что, пустишь?

— Да пущу, пущу. Эвон сколь места, жалко, что ли. Про тебя, глупую, хлопочу.

— Ай, говорить с тобой! — сердито сказала Катюша.

Старуха хитро посмотрела на нее.

— Тьфу, до чего ведь я глупая стала. И невдомек... Приходи, Катенька, за всяк просто. А я могу и к соседям уйти на часок.

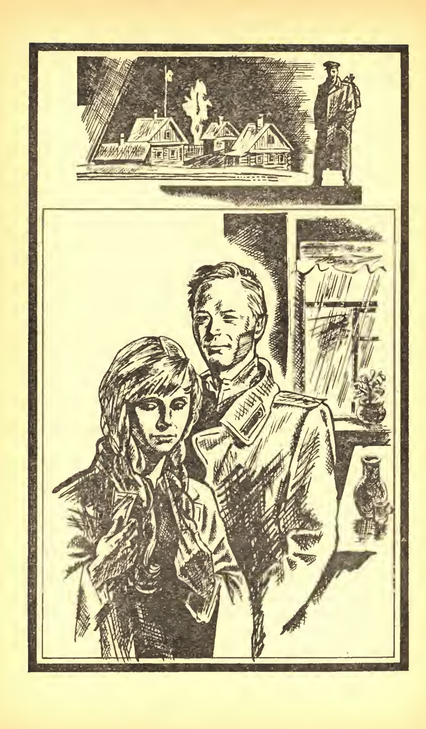
— Не рада, что и связалась с тобой. Не думаю я ни о чем об этом! И ты свой язык привяжи. Старая, а что в голове держишь.— Катюша отвернулась. «И черт принес этого офицера! Теперь пойдут судачить да рядить», — подумала она.

Бабка Выстроханская поджала блеклые губы.

— Да уж пускай идет. Мне-то что?

На ферме уже знали, что к Кате Лукониной приехал офицер. И как только она пришла, доярки сразу же обступили ее.

— Ну, приехал. К бабке Выстроханской его опреде-

лила. Дальше что? — уперев руки в бока, спросила Катюша, и глаза ее потемнели.— В полюбовники, что ли, хотите записать?

— А может, и следовает,— фыркнула Анисья Чурбатова, маленькая толстая доярка.— Помягчаешь тогда, Екатерина Романовна.

— Неужто? Так тебе и помягчаю! — И весело рассмеялась.— Чего сгрудились-то? Надо корма задавать...

Как и обещала, вернулась домой через час. Малахов сидел за столом и помогал Олюньке решать задачу.

— Нет, ты смотри: вот, скажем, бочка. В ней сорок ведер,— говорил он.— Мама твоя взяла из нее пять ведер, я — десять, а ты — еще два. Сколько всего останется в бочке? В уме, в уме решай!

Олюнька наморщила крутой лоб и посмотрела на мать.

— Ты не жди помощи со стороны. Ты давай сама,— засмеялся Малахов.

Катюша повесила фуфайку, сняла платок. До этой минуты все казалось просто и ясно: она скажет про бабку Выстроханскую, он соберет свои вещички и уйдет. Но теперь, когда она опять увидела его исхудалое лицо, ей стало жаль Малахова. Но она пересилила в себе эту жалость и, выждав, когда Малахов освободился и дочка стала переписывать в тетрадку задачу, сказала:

— Не посчитайте за неуважение, Василий Николаевич, но лучше вам жить у бабки Выстроханской. Я уже договорилась с ней. Старуха она обходительная. И чай вовремя согреет, и накормит. А я на ферму хожу и за кормами в область езжу. Олюньку и то другой раз к соседям вожу. Какой вам здесь отдых?

Малахов нахмурился. Видно было, что это его огорчило. Медленно надел шинель, фуражку.

— Она тут недалеко живет. Я провожу вас,— виновато сказала Катюша и стала складывать в вещевой мешок продукты.

— Олюнька, до свиданья! — невесело сказал Малахов девочке.— Будьте здоровы, Екатерина Романовна. Жив буду — после войны все равно приеду.— Он сунул в карман папиросы и вышел.

Катюша так и осталась стоять с вещевым мешком в руках. Когда выбежала на улицу, Малахов уже шагал далеко.

Серые, тяжелые облака проносились над землей. Они шли плотно, одно к одному. Шумел над головой в деревьях весенний ветер. С Волги донесся прощальный тоскливый гудок парохода.

2

С этого вечера Катюша стала думать о Малахове. Не раз она ругала себя за то, что сурово с ним обошлась. Особенно тяготила ее неизвестность. Что с ним? Где он?

И вдруг получила письмо с номером полевой почты. Так и не отдохнув после госпиталя, он ушел на фронт. И оттуда писал о том, что любит ее и, пожалуй, к лучшему, что не остался в Селянницах. Но она должна непременно ему отвечать. Или уж так нелюб, что и ответа не достоин? Может, ее тревожит Олюнька, так пусть не думает — она ему будет как дочь. Не обидит.

Письмо было написано твердым почерком. В конце стояло «с приветом» и подпись, круто идущая вверх.

Катюша несколько раз перечитала письмо. Теперь, когда Малахова не было, поняла, какой это мужественный, открытый человек. Она боялась, думая: что, если за этот месяц, который бы должен Малахов прожить у нее, он погибнет там, на войне? Все это время жила неспокойно, с нетерпением ожидая от него писем, аккуратно на них отвечая, ни слова не говоря в ответ на его любовь. Ничего не обещала в будущем, желала лишь одного ему — жизни. А Малахову и этого было достаточно, чтобы с еще большим жаром писать ей о своей любви. Она терялась от таких признаний. В ее письмах сначала робко, потом все сильнее зазвучала любовь, пока наконец она не написала, что ждет его, встретит с радостью — лишь бы скорее кончилась война.

Но этому предшествовало одно обстоятельство. В письмах Малахов нередко упоминал свою мать, говорил, что пишет ей о Катюше. И она решила съездить к матери, поговорить с ней и разом покончить все свои терзания и сомнения. Если вправду он пишет матери, что это всерьез любовь, и тогда будь что будет, но она ответит ему согласием. И, выговорив у председателя

отпуск, определив Олюньку соседям, поехала на Алтай.

Мелькали за окном леса, деревья водили на равнинах хороводы, грохотали под вагоном мосты. Пришли и остались позади Уральские горы, потянулись унылые степи. Катюша ко всему, что было за окном, относилась безучастно и чем дальше уезжала, тем больше задумывалась и уже глупостью считала всю эту поездку.

Приехала она на шестые сутки. Как на всех станциях, так и на этой было полно народу. Люди спали на лавках, на полу, и сидя и разметавшись, и с детьми и без детей, горожане и деревенские. И все куда-то ехали, измученные войной, одетые кое-как. «И чего я поехала? — в сотый раз осуждая себя, думала Катюша.— Лучшего часа не могли найти, как только теперь. И зачем мне с матерью его встречаться? Будто не знаю, как свекрови дорожат сыновьями. А тут — нате, возьмите невестку разведенную, да еще с дочерью».

И все-таки пошла. По обе стороны от нее лежали просторные долины — им не было края. А дальше, в синем дыму, виднелись горы. Навстречу Катюше попался человек на мохнатой лошаденке, в войлочном треухе и пестром стеганом халате. За ним ехала на такой же низкорослой лошаденке женщина и курила трубку. «Господи, какие люди-то диковинные»,— подумала Катюша, шагая по сухой, крепкой дороге, и на сердце стало еще тоскливей.

Но деревня оказалась русской, бревенчатой, с прогонами меж домов, с широкой улицей, поросшей зеленой травой, с собаками, лаявшими из подворотен. Повеяло родным.

После недолгих поисков ей удалось найти дом Малаховых, крепкий пятистенок, обнесенный забором. Лохматый пес, громыхая цепью, молча рванулся к ней, но цепь не допустила, и тогда он начал, хрипя с придыхом, лаять и вставать на задние лапы.

Из хлева выглянула высокая старая женщина. Она пытливо посмотрела на Катюшу. Много в войну развелось беженцев. Их звали эвакуированными. Они меняли одежду на хлеб, на картофель, на масло. Обычно входили во двор, застенчиво улыбаясь, спрашивали, не надо ли туфель или костюма. Матери Малахова ничего не было нужно. Не до того, когда два сына на фронте, а третий лежит в земле. Но так, ни с чем этих людей

она не отпускала. Звала в избу. Кормила. Думала, что ее доброта может уберечь сынов от смерти.

Эта женщина, что шла ей навстречу, не производила впечатления беженки.

— Здравствуйте! — громко сказала женщина и открыто посмотрела синими глазами.

— Здравствуй,— выжидающе ответила мать Малахова и подумала: «Эки глазища красивые».

— Не будет ли водицы? — попросила Катюша.

— Как не быть,— ответила хозяйка и повела в дом.

Катюша пила и как бы пустым взглядом осматривала кухню. Тут ничего интересного не было. Такая же громадная русская печь, как и в ее доме. Лавка вдоль стены. В открытую дверь видна часть горницы. Над постелью висит коврик.

— Притомилась я,— просто сказала Катюша.— В поезде теснота, продуху нет.

— Откуда ты?

— С Волги.

— С Волги? — оживилась хозяйка, и ее суровое лицо помягчало.— Там сынок мой младший в госпитале лежал.— Несколько секунд слабая улыбка теплилась на ее морщинистых губах.

— Тихо-то как у вас,— сказала Катюша.

— Дождись вечера — шумно будет. Ребятишки из школы понабегут, невестки с поля явятся...

— А сыны-то, верно, на войне?

— Где же им еще быть. Да вот... убили,— хозяйка заплакала.

— Убили? Какого же? — дернулась к ней Катюша и, услышав: «Старшего», облегченно вздохнула.

Это не ускользнуло от матери.

— Иди-ка сюда.— Она прошла в горницу.— Вот он,— показала она Катюше большой портрет старшего сына.

Из черной рамы глядел веселый человек, очень похожий на хозяйку. «А еще говорят, кто в мать уродился, тому счастливому быть»,— подумала Катюша.

— А это мои младшие...

Василий! Здесь он был моложе, чем она его знала, в простой косоворотке, открыто глядевший на нее.

— Хорошие сыны у вас. Дай им бог жизни и здоровья.

— Да уж только бы жизни. О здоровье и не говорю,— ответила мать.— Петр-то ничего: в час добрый сказать, даже и раненый не был. А Васенька два раза в госпитале лежал. Спасибо одной женщине, все медом кормила его.— Хозяйка пытливо взглянула на гостью.

Катюша не выдержала ее взгляда и опустила голову.

— Пишет он? — в замешательстве спросила она.

— Пишет,— усмехнулась мать Малахова. Теперь ей все было ясно. Перед ней стояла та самая синеглазая, о которой чуть не в каждом письме писал Василий. И, по-бабьи хитрая, она приехала что-то выведать у нее.— Пишет. И про тебя пишет.

Катюша совсем смешалась.

— И не стыдно тебе, милая, так в мой дом входить? — с мягким укором сказала хозяйка.

Сутки провела Катюша в доме Малаховых. Она все рассказала о себе, о своем неудачном замужестве, о письмах Василия.

— И вот все думаю и не знаю, что ему сказать.

— Кто загодя думает о вечере, коли день не прожит? Мы с тобой говорим о нем, а там, не дай бог, может, в крови он лежит... Ничего не убудет с тебя, если б и не любила, а про свою любовь написала, — с обидой в голосе, что ее сын нелюб этой женщине, сказала мать Малахова.

...Прошло лето. Посыпали осенние дожди. Все короче становились дни. Все длиннее ночи. Ударили морозы. Заметелило. И снова явилась весна, с теплыми дождями, с перелетными птицами, с ландышами и верой во все хорошее. Это была последняя весна тяжелой войны. Она принесла победу. Долго, годами, сжатые тревогой людские сердца раскрылись в эту весну. И все, что было самого хорошего, любящего, чистого в людях, устремилось навстречу друг другу. Женщины плакали от счастья, обнимались. Мальчишки носились по деревне с криками: «Кончилась война!» Старики расправили согнутые спины. Старухи, слушая радио, благодарно смотрели на иконы и крестились.

Начали возвращаться домой фронтовики.

— К Силантьевым приехал!

— Прохоров прибыл!

— Свешников явился!

В пропахших потом гимнастерках, позвякивая орденами и медалями, гордые и простые, ходили победители по Селяницам. А с ними рядом — их жены, самые счастливые в мире.

Но чем больше появлялось фронтовиков, тем тревожнее становилось на сердце у Катюши. Ей все казалось, что Малахов не приедет. Теперь она любила его. И потому, что любила, не верила в их встречу. Что-то непременно должно помешать им.

Еще раз отшумела на деревьях листва и усыпала землю. Ушел с полей послевоенный урожай в амбары и элеваторы.

Малахов приехал зимой, когда Волга была скована льдами. По дорогам тянулись обозы. Большое спокойное небо обнимало белую землю. И с этого неба позимнему ярко светило солнце, заставляя жмуриться от снежного блеска. Дома никого не было. На дверях висел тяжелый черный замок. Малахов, с удовольствием слушая поскрипывание снега под сапогами, зашагал на ферму.

В длинном полутемном помещении, словно медицинские сестры, в белых халатах ходили доярки. В стороне у столика сидела Катюша, в ватнике, повязанная косынкой.

— Здравствуй, Катя,— вставая во весь рост перед своей любовью, сказал Малахов.

Катюша охнула и безмолвно поднялась.

— Как сказал, так и сделал. Прибыл!

Его широко расставленные глаза светились все так же счастливо.

— Вася!..— только и могла сказать Катюша.

Он протянул ей руки.

Доярки смотрели на них. Анисья Чурбатова, поводя толстыми плечами, прошла мимо.

— Капитан! — восхищенно шептала она дояркам.

— Пойдем домой,— тихо сказала Катюша.

И всю дорогу до дома она то отворачивалась, стесняясь на него смотреть, то улыбалась, по-девичьи краснея.

Она не сразу открыла замок. Задержалась в сенях, пропустив Малахова. И как только вошла, так и остановилась у порога.

Малахов поднял ей голову. Поцеловал в бессильные,

раскрытые губы. Он слышал, как часто и сильно бьется ее сердце, и все крепче обнимал, заглядывая в самую синеву тревожных глаз.

В сенях хлопнула дверь. Катюша отшатнулась от Малахова. Поспешно поправила волосы...

Запыхавшаяся, красная от мороза, вбежала Олюнька. Она бросила сумку на скамейку и тут же нахмурила свои реденькие брови, увидав незнакомого высокого военного. И сразу вспомнила:

— Дяденька Вася!

Малахов схватил ее за худенькие плечи, поднял к самому потолку.

— Как же ты выросла, Олюнька! Как выросла! Я бы тебя и не узнал.

— А я вас узнала! — радостно закричала Олюнька.— Как вошла, так и узнала!

— Ну, за то, что сразу меня узнала, надо тебе сделать подарок.— Малахов достал из чемодана большую куклу с закрывающимися глазами, в роскошном платье и настоящих кожаных туфлях.

Олюнька так и замерла от восторга. Несколько раз порывалась взять куклу и не решалась. Наконец схватила, прижала к груди и заметалась по комнате. С завистью глядела она, как у других приезжали отцы с фронта, одаривали своих ребят, и только ей не от кого было ждать подарка. Она никогда не видела отца.

— Мам, теперь дяденька Вася от нас не уедет? Он с нами будет жить?

Катюша взглянула на Малахова, улыбнулась:

— С нами.

Олюнька захлопала в ладоши.

— Если бы ты знала, как я рад, что вижу тебя, — говорил на кухне Малахов Катюше.— Что такое ты со мной сделала, не пойму.

Она ласково коснулась его руки.

— Ты-то любишь меня?

— Люблю, Вася...

Малахов радостно засмеялся:

— Давай завтра запишемся и отгуляем свадьбу.

— Уж больно ты скоро, Вася. Где же за один день управиться? — Она нерешительно потрепала его волосы.

— Я уж сколько жду!

— И еще недельку подождешь...

Малахов прошел в горницу. Катюша постояла в раздумье, затем сняла с постели пуховик, одеяло, подушку. Перенесла в кухню. Здесь будет Василий спать. А для себя и дочки приготовила на кровати.

Олюнька лежала в постели. Обрадовалась, когда к ней легла мать. Засучила ногами. Они у нее были холодные, как ледяшки.

— Маменька, погрей.

Она уснула быстро, свернувшись калачиком.

Было темно и тихо. Но Катюша знала, что Малахов не спит и, наверно, вот так же, как она, беспокойно прислушивается к каждому шороху. И вдруг посветлело. Это вышла из-за облака луна и залила зеленоватым светом, словно водой, всю комнату. Катюша лежала не шевелясь. Боялась, что Василий подойдет к ней.

Но Малахов не подошел. И за это она ему была благодарна. Легко и весело металась утром по кухне. Накрывала на стол. Провожала Олюньку в школу.

Через неделю, как и было задумано, сыграли свадьбу.

3

Наступила пора душевного отдохновения. Все, что было сопряжено со смертью, с горем, с тяжелым ратным трудом,— все осталось позади. Руки искали работы. Они могли копать землю, рубить дома, выращивать хлеб. Работать, работать, работать! Строить свое счастье. Жить в семье. Видеть каждый день жену. Уже больше не писать ей писем, а разговаривать. Вот так, просто, сидеть и разговаривать. Заставить смеяться мать. Эвон я, живой, здоровый! Забирать по утрам ребятишек в постель, обнимать их, рассказывать страшное, но непременно с веселым концом. Это ли не жизнь?

Малахов был счастлив, как и каждый вернувшийся с войны здоровым. А тут еще любовь! Та самая, по которой с ума сходил в блиндажах. Теперь можно целыми часами смотреть в ярко-синие глаза. Здесь они, рядом! Они стали еще ярче. От любви? От счастья?

Наконец-то и к ней пришла самая настоящая любовь. Как неохота уходить из дома на работу. «Милый

ты мой Васенька. Что бы еще тебе сделать хорошего? Чем бы побаловать?» А уж он и сам не знает, что бы еще сделать ей приятного! На морозе, на ветру покрыл заново дранкой крышу сарая. Сменил пол в хлеву. Переколол все дрова. Что бы еще сделать?

— Отдохни.

— От чего? Разве устанешь! Ну, как ты сегодня работала?

Так еще никто не спрашивал.

— Устала?

Об этом тоже никто не спрашивал.

— Ну зачем плакать-то?

— Так это... Просто хорошо мне...

С какой гордостью шла она по улице с мужем! С какой важностью раскланивалась. Никого нет лучше ее Васеньки.

Три дня он пробыл дома. Другой бы за месяц столько не сделал, сколько наворочал он в эти дни. Но пора подумать и о колхозе.

Председатель сидел за столом в маленькой комнате и стряхивал с пера на пол прилипшую грязь. Это был тяжелый, с отвислыми плечами человек, в засаленном пиджаке, седой, с красным лицом. От него только что ушли бригадиры. Всюду валялись окурки. Воздух посинел от самосада. За черным окном валил снег. Большие хлопья скользили по стеклу.

— Отдохнул? — окинув Малахова большими, навыкате глазами, спросил председатель.— На работу хочешь?

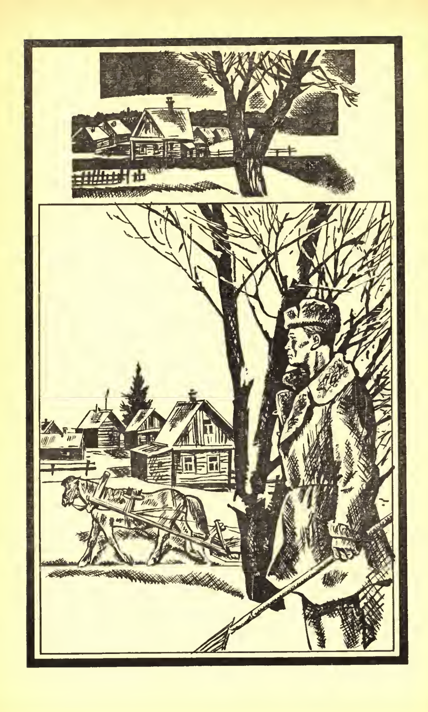
— Пора.

— Полушубочек-то у тебя беленький. Но, понимаешь, начальства своего хватает. А вот навоз на поля возить — наищешься. Как? А?

— Какое дело нужней, такое и поручайте,— улыбнулся Малахов.

Он говорил искренне. Ему было все равно, где работать. Он видел, что за время войны колхоз ослаб. Много земли пустовало. Урожаи низки. С кормами трудно. Поэтому был готов взяться за любое дело.

И в войну он меньше всего думал о себе. Выполнял долг, и все. Но эта самоотверженность, честность сделали свое. Он быстро стал младшим лейтенантом. Это его ничуть не изменило. Он таким же остался, когда

ему дали взвод, роту. Он командовал, преследуя две задачи: как можно больше уничтожить противника и меньше потерять своих. Простой хозяйский расчет. Никакой романтики в войне Малахов не видел. Это была грубая, тяжелая, опасная работа. Он старался выполнять ее добросовестно, потому что так нужно Родине...

— Ну, молодец, понимаешь, а то у нас с этим делом плохо. А землицу надо кормить. Скажешь Лазареву, бригадиру, что я тебя к нему направил.

Малахов натянул поглубже ушанку. Уже светало. Алая морозная зорька разгоралась за Волгой. Но крупные звезды еще мерцали.

На конюшне Малахов запряг лошадь и выехал. Он испытывал необычную легкость. Глядел по сторонам — на дома, в которых, наверно, пробудились ребятишки и теперь собираются в школу. На реку, по которой движутся подводы с сеном,— это их отцы успели съездить к дальним стогам. Глядел на поля, спящие под снегом. На зорьку, выпустившую солнце, отчего упали на розовые снега длинные тени деревьев.

Навоз складывали тут же, у фермы, по обе стороны от прохода. Получалась своего рода траншея.

Малахов скинул полушубок. Ухватил железными вилами сверху тяжелый пласт навоза. Бросил его на доски, прикрывавшие дровни. Сначала было холодновато в одной гимнастерке, но чем быстрее он орудовал вилами, тем становилось теплее, и к концу, когда уже сани были загружены, стало жарко.

Погоняя лошадь, он быстро зашагал по дороге. Визжал под железными полозьями снег. Как ключевая вода, был чист воздух. И все вокруг было до того хорошо, что Малахов даже засмеялся.

Если говорить о радости жизни, то она была именно теперь. Все просто и совершенно ясно. Он работает. Эта работа нужна людям. Чем больше он сделает, тем будет лучше. И еще хорошо потому, что уставшие за войну нервы отдыхают.

Он направил сани в сторону от дороги и, сам утопая по колено в снегу, побежал рядом с идущей рывками лошадью. И опять, сбросив полушубок, работал.

В одну из поездок он повстречался с Катюшей.

— Это кто тебя поставил навоз возить? — спросила она.

— Анисимов, председатель,— простецки улыбнулся Малахов.

— Что он, с ума, что ли, сошел! — грубо сказала Катюша.— Его бы, черта сутулого, заставить возить. Не езди больше, Вася.

— Ну что ты? Вывозка-то подзапущена!

— Зря согласился. Надо было с самого начала себя поставить. Куда это годится — капитан, и вдруг возишь навоз.

— Да ведь я же колхозник. До войны мало ли его перевозил!

Но Катюша никак не могла смириться с тем, что его поставили на такую работу. И, еще мало зная мужа, не понимала, на самом ли деле он ничего не видит зазорного в том, что возит навоз, или же прикидывается, что это ему не обидно.

Вернулся Малахов домой затемно, усталый, но довольный.

— Дяденька Вася, а я сама сегодня решила задачки,— прыгала возле него Олюнька.

— Молодчина! Я же знаю: если ты захочешь, всех лучше можешь учиться.

Катюша принесла ужин. Все приготовила и уселась против мужа. Каким длинным показался ей прошедший день! Несколько раз она забегала домой, думая, что и Василий догадается заглянуть. Но он и отобедал-то без нее. Только мельком удалось увидеться у фермы. А сердце хотело иного: ввек бы не расставаться. Вот так сидела бы и все смотрела на него. «Миленький ты мой, хорошенький ты мой»,— приговаривала бы в душе.

Малахов с затуманенными от сытости и усталости глазами встретился с ее взглядом и, словно не было за плечами морозного тяжелого дня, протянул через стол к ней руки, ухватил за плечи. Катюша тихо засмеялась, легко подалась и, закрыв глаза, нашла его горячие, сухие губы. И совсем было бы хорошо, только где-то глубоко-глубоко сидела заноза, обида на председателя. Не уважал он Василия, ее Васю, Васеньку...

Наступил март.

Ох уж этот март! До чего же теперь синее небо. Солнце еще ходит по его краю. Но скоро оно подымет-

ся и начнет так пригревать, что снег сразу осядет и побегут ручьи. Со стеклянным звоном будут рушиться сосульки. Лед на Волге, этот крепкий лед, по которому ходили машины, станет слабым. Деревья, всю зиму зябко стучавшие ветвями, мягко зашумят, радуясь теплому ветру. Прилетят грачи, важно будут расхаживать по полям, словно проверяя — не случилось ли чего с землей за время их отсутствия. А земля будет лежать перед ними теплая, разомлевшая.

Каждый год приходит весна, всегда радуя и никогда не надоедая. Каждый год вскрывается Волга, и всякий раз это — событие для жителей Селяниц.

Нынче она вскрылась в апреле. Вода подступила к домам.

На другой день по селу ездили на лодках. Ребятишки вели морское сражение на плотах. К стенам домов подбивало густое сусло нефти, пролитой пароходами и баржами.

Вода постояла три дня и, оставив в огородах среди борозд мелкую плотву и окунят, отступала в свое ложе.

К этому времени земля хорошо поспела. В колхозе началась пахота. Бригадир Лазарев, татуированный минным взрывом — с синими пятнами на лице, поставил Малахова на плуг.

Василий в первый же день дал две нормы на перелогах. Задерненная земля, чуть ли не всю войну пролежавшая в покое, поросшая местами мелким ольшаником, покорно пошла под его сильными руками в отвал.

В короткие минуты отдыха Малахов, словно впервые, видел нежную зелень трав, далекие холмы за Волгой. С высокого неба ему пели песню трепещущие жаворонки. Он жил, окруженный со всех сторон счастьем, потому что счастье было в нем.

Конечно, его работа не могла пройти незамеченной. На одном из партийных собраний Дуня Свешникова похвалила Малахова и предложила ввести его в состав партийного бюро как человека серьезного и работящего.

В этот день Катюша не знала, как усадить мужа, чем порадовать. Одно время она уже стала подумывать, что у него совсем нет гордости. Куда ни пошлют, всюду идет. Теперь поняла: не такой уж он простой, как кажется. Того и гляди, парторгом станет... На виду будет.

После ужина они пошли на Волгу. Это были для них любимые часы. Они садились под обрывом. Волга в этом месте была неширока. Но люди на том берегу казались совсем крошечными. Вдоль реки тянулись поселки с фабричными трубами, деревни с силосными башнями. Хорошо было смотреть на все это в вечерний час, когда Волга погружалась в спокойный полусвет отшумевшего дня.

Чем больше густели сумерки, тем река становилась красивей: всходила луна. Вода у берегов была темная, к середине синела и переходила в оранжевую. Луна плавно качалась в оранжевых волнах. Тихий ветер шуршал прибрежными травами. Вверх по реке подымался освещенный огнями пароход. Иногда на середине реки появлялись багровые костры. Было видно, как взлетают в ночное небо султаны искр. Неожиданно из темноты возникал человек, освещенный огнем. И тогда становилось ясно — плывут плоты.

Стоял поздний час, когда они вышли в этот день. По улице ходили девчата. Сильными голосами они пели грустную песенку о неудачливой любви. Пели и, наверно, не верили весне.

Далеко уже остались последние дома, затихли девичьи голоса. Малахов с Катюшей шли берегом Волги. Она прижалась к его руке и негромко запела. Ее мягкий голос словно вливался в тишину вечера.

Из-за моря, моря теплого
Птица прилетела,
На мое окошко девичье
Отдохнуть присела.

— Ты скажи мне, птичка дальняя,—
Я ее спросила,—
Где любовь моя все бродит,
Или позабыла?

От реки поднимался туман. И Малахову казалось, что песня доносится к нему из воды, немного печальная, чего-то ждущая. Он пошел тише.

Отвечала птица дальняя:
— Не скорби, не сетуй.
Коль весной любовь не явится —
Значит, будет к лету.

Улетела птица дальняя,
За лесочком скрылась.
Только в сердце, в сердце девичьем
Вера появилась.

— Вот и пришла моя летняя любовь...— ласковым, теплым голосом сказала Катюша и прижалась к руке Малахова.— До чего же мне хорошо! Думается, ничего больше и не надо... Нет, еще хочу одного.— Она помолчала и чуть не шепотом промолвила: — Героем хочу стать. Золотую Звезду получу, орден Ленина мне дадут...

Так миновало лето. Подошла незаметно осень. Все это время Катюша жила напряженно. Сказав только мужу, и то однажды, о своей заветной мечте, она словно и забыла про нее. Но не было дня, чтобы не думала об этом. Что ею руководило, она и сама не знала. Хотелось ли славы, чтобы стать вровень с Василием,— у него было несколько орденов, к тому же капитан, и ей почему-то казалось, что она не достойна его, или уж наступил такой час в ее жизни (ведь не было ни одного собрания, чтобы не говорилось в те дни о развитии животноводства по всей стране), когда действительно хочется работать засучив рукава; или еще что-нибудь, но только Катюша порой стала забывать даже свой дом — так ее захватила работа. И раньше она бывала в соседнем животноводческом совхозе, теперь же зачастила. Перезнакомилась со всеми доярками, со старшим зоотехником. Приглядывалась, прислушивалась, спрашивала. И, словно пчела в улей, тащила все полезное на ферму. Пастухам от нее не стало житья. Она к ним приходила среди ночи, проверяла, как они пасут, ругалась, если заставала своих коров на избитой траве. Не ленилась подкашивать для них зеленый корм. Подсаливала траву. Стала составлять рационы, пробуя то одно, то другое, лишь бы угодить вкусу коров. И запаривала корма, и рубила тяпкой, и кормила целыми клубнями и морковинами — только бы поднимался надой.

Глядя на нее, и другие доярки стали стараться. Толстуха Анисья Чурбатова вначале ругала Катюшу, а потом стала присматриваться, как та доит, как массаж делает, чем кормит, и сама незаметно увлеклась.

Надой на ферме возрастал. Председатель Анисимов радовался.

— Вот, понимаешь, дела какие пошли,— говорил он Дуняше Свешниковой,— ты теперь, значит, налаживай соревнование. Твоя обязанность.

— Без тебя и постель-то холодная стала,— жалея Катюшу, ласково говорил Малахов.

— Ничего, Васенька,— устало улыбалась Катюша.— Немного уж до января осталось. Еще два месяца, а там и кончится год. Теперь бы только холода не снизили надой. Уж больно ферма-то у нас нетеплая...

И снова днями и ночами пропадала на работе. Приходила домой усталая, почти ничего не ела и засыпала, чуть голова касалась подушки.

И добилась своего. Исхудалая, с тяжелыми кулаками, как-то сразу обессиленно повисшими вдоль тела, она слушала чей-то далекий мужской голос, говоривший по радио о присвоении ей звания Героя.

Вместе с ней наградили орденами четырех доярок.

И не успела пройти эта радость, как вскоре вызвали всех награжденных в облисполком.

— Сторонись! — опьянев от счастья, кричал Малахов, пустив во весь ход лучшего жеребца Жереха, гнедого красавца с белыми бабками.— Героиню везу!

Катюша смеялась, принимая всем сердцем буйство Василия. Они летели вдвоем в легких саночках по снежным полям на далекие огни большого города. Позади них неслась тройка. Доярки громко вскрикивали на ухабах, пели песни. И все это было похоже на свадьбу.

А потом Малахов сидел и ждал ее у каменного подъезда. Можно было и его пригласить в зал, где вручали награды, но начальство почему-то не догадалось этого сделать, и Малахов остался у лошади. Он уже несколько раз соскакивал с саночек. По-извозчичьи хлопал руками, согревался. Пристукивая валенками, поглядывал на большие окна, задернутые тяжелыми занавесями. Переводил взгляд на массивные двери, все думая: вот-вот выйдет. Но торжество вручения затягивалось. Он вспомнил, как ему на фронте вручали ордена,— тогда это делалось быстро, а тут тянулось без конца.

По голому небу свободно катилась круглая луна, обещая ночью мороз.

Неожиданно послышались звуки духового оркестра. Играли гимн. И Малахов понял, что торжественное заседание закончилось. Но прошло еще около часа, пре-

жде чем Катюша появилась, окруженная людьми. Оторвавшись от них на минутку, она подбежала к мужу и, торопясь, сказала, чтобы он ехал один, потому что секретарь обкома Шершнев довезет ее с двумя лучшими доярками до колхоза на своей машине. Сказала и тут же вернулась к высокому, в фетровых бурках, человеку, который уже открывал дверцу в машину и по-хозяйски приглашал Катюшу.

Эх, если бы знал Малахов, к чему все это приведет, вряд ли остался бы в стороне. Он подошел бы к Шершневу и не позволил бы увозить Катюшу, когда есть рядом он, ее муж. Но он ничего не знал. Дождался, пока машина ушла, и тихо поехал обратно.

Малахову было больно, что Катя так легко отстранила его. Но тут же он понял, что ее осуждать не следует. Она хочет взять все, что выпало на этот день. Такое не часто случается. Только подумать: человек, живший обычной жизнью, который и о себе-то был самого простого мнения, возносится на гребень славы... Как же тут отказаться? Нет, здесь все правильно. И нечего ему обижаться. И конечно, ни в какое сравнение не может идти его маленькая обида с той ликующей радостью, какой охвачена Катюша.

Так думал Малахов, возвращаясь в колхоз. Уже на полпути ему повстречалась машина секретаря обкома. Ослепив, она заставила потесниться. И когда проехала, ночь показалась еще темнее. Но вскоре глаза привыкли. От белых кустов по-прежнему падали синие тени. Далеко темнели избы села.

Малахов погнал коня.

Она ждала его. На ее груди блестела Золотая Звезда и чуть пониже светлел орден Ленина.

Малахов, не раздеваясь, шагнул к жене, взял за руки, обнял, поцеловал в глаза.

— Ну прямо как в сказке,— прошептала Катюша, устало припадая ему на грудь.— До чего же все хорошо...

И этих слов и доверчивого движения было вполне достаточно Малахову, чтобы окончательно забыть свою маленькую боль.

4

Председатель колхоза Анисимов любил выпить. В этом ои иичего ие иаходил зазориого, лишь бы дело шло. Его часто можио было видеть в чайиой. Грузный, с красиым нездоровым лицом, он тяжело дышал в лицо своему собеседиику. А собеседииков хватало. Это были люди его колхоза, которым иадо было обделать какое-то свое дельце: поехать ли в город иа иеделю, заняться ли своим хозяйством. Они угощали Аиисимова. И ои разрешал. Пьяиицы всегда добры.

— Вот, поиимаешь, как иадо руководить! — говорил ои, отхлебывая пиво.— Сколько ордеиов в колхозе! Герой есть! Не комар под зоитиком. Поиимаешь? Вчера поставил Лукоииу заведовать фермой.

Он гордился, ие зиая того, что в райкоме партии уже стоял вопрос о замеие его Катюшей Лукоиииой. Кроме пьяиства Аиисимова была еще одиа причииа для его сиятия: секретарь обкома Шершиев любил выдвигать деятельиых людей из гущи иарода. Ему иравилось видеть их в залах заседаний, с орденами, медалями, депутатскими зиачками, зиать, что теперь оии, вовремя замечениые им, руководят делами. Поэтому достаточио было ему сказать секретарю райкома: «А чего это вы в чериом теле держите Екатерину Ромаиовиу Лукоииу? Или считаете, что пьяиица Аиисимов более достоии руководить колхозом?», как сразу стало очевидио, что Лукониоу сделают председателем.

Рекомеидация райкома — это доверие. Подиятые вверх руки колхозииков — это решеиие. И Катюше пришлось взяться за большое, сложное дело — колхоз.

Малахов каждый вечер усаживал ее за стол, закрывал дверь, чтобы иикто ие мешал. В свое время ои окоичил средиюю школу, миого дала армия. Ему легче было разбираться в киигах по агротехиике и уже своими словами рассказывать жеие о преимуществах севооборотов, о плаиироваиии хозяйства, ио Катюша, ие привыкшая к учебе, задерганиая всякими делами за деиь, плохо поиимала его. На лице ее появлялось тупое, бессмыслеииое выражеиие.

— Ах, да зачем мне все это! — чуть ие плача от досады иа свою непонятливость, говорила оиа.— Нау-

ка, наука!.. Вон мои коровы и без науки по пяти тысяч литров дают.

Малахов снисходительно смеялся.

— Как же без науки? — говорил он.— А разве тебе мало зоотехник помог? А рационы? Вот послушай-ка, что я в этой книжке вычитал. Толковое дело там придумали. Маслозавод поставили.

И только стоило коснуться практических дел, как сонливость у нее пропадала.

— Ну-ка, ну, расскажи.

Малахов рассказывал. На бумаге вычислял, какую экономию в транспорте дает такой маслозавод,— не надо каждый день отвозить молоко, достаточно один раз в неделю сдать масло. Появится снятое молоко, оно пойдет на корм телятам.

— Вот это да! — оживлялась Катюша. И вскоре горячо убеждала членов правления, что надо строить такой завод. Ехала к Шершневу (в тот раз, когда он ее провожал, прямо сказал: «Заходи ко мне. Звони, не стесняйся. Всегда помогу»). И возвращалась из Н-ска с сепараторами, с центрифугой.

— Васенька, ты мне не читай книжки. Читай сам. А что интересное — скажи.

— Неужто? — повторяя ее любимое словцо, смеялся Малахов.— Ты вроде Олюньки: кто бы за нее сделал задачку.

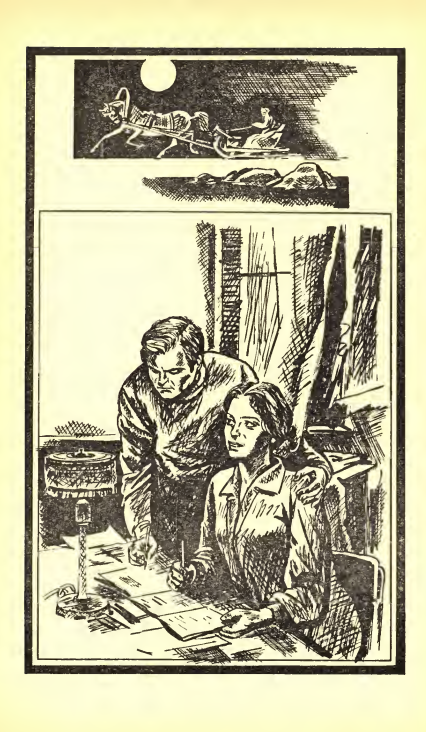
— Ну, Васенька... Ну, миленький...— ластилась к нему Катюша.— Ведь я же не виноватая, что мало училась.

— Ладно. Вот слушай.— И читал ей, как в одном колхозе поставили картофелетерку.— А у нее сколько гниет мокрой картошки. Вот бы ее пускать на крахмал, а барду — свиньям.

— Золотой ты мой Васенька,— обнимала его Катюша,— ну до чего же у тебя головушка светлая!

Построили картофелетерку.

Так как Шершнев внимательно относился к делам колхоза, то нововведения Катюши Лукониной были замечены. В один из сентябрьских дней приехали в колхоз двое из областной газеты. Катюша с гордостью показывала маслозавод и картофелетерку. Но фотокорреспондент не стал снимать эти «объекты». Уж слишком они показались ему примитивными — маленькие полу-

темные сараи. И сфотографировал Катюшу. Другой же, круглолицый, толстый, подробно все расспросил, записал. И они уехали.

Через неделю в газете появилась большая статья с фотографией Екатерины Романовны. По словам корреспондентов, заводы представляли значительный интерес. Теперь уже слава о Катюше пошла как о председателе колхоза.

Несколько раз в этот вечер она брала газету. Удивленно смотрела на снимок. Перечитывала статью.

— Пойдет дело, пойдет! — радостно говорил Малахов.— Только учиться надо.

— Это ж ты придумал, Васенька, а они мне приписали.

— А я бы для тебя и не такое еще сделал! — в порыве душевного подъема сказал Малахов.

— Ну так и я для тебя сделаю, Васенька. Спасибо скажешь.

— Что сделаешь?

— Подожди чуток. Узнаешь.

Теперь уже поступь у нее стала уверенней. Распоряжения тверже.

«Хорошо бы заложить теплицу»,— как-то посоветовал ей Шершнев. Она согласилась: «Плохо ли иметь свою теплицу? Всегда ранние овощи». Но для этого нужны были деньги. Она нашла их. Узнала, что на севере картофель в пять раз дороже, чем на рынке в своей области. Никому ничего не говоря, Катюша съездила в управление железной дороги и там добилась двух вагонов для отправки картофеля на Кольский полуостров.

— Васенька, ты повезешь,— радостно сияя глазами, сказала она, ожидая, как обрадуется муж. Это она сама ведь, без него, придумала. Но, к удивлению, Василий не разделил ее радости.

— Нехорошее это дело,— сказал он.— На спекуляцию похоже.

— Какая же тут спекуляция? Свое продаем, не купленное. На что строиться-то? Поезжай, спокойная буду. Уж знаю — ни копеечки не пропадет.

— Не поеду! И тебе не велю.

— Неужто! — Катюша обидчиво поджала губы.— Ладно, если не хочешь — не надо. Только не мешай мне.

Вагоны с картофелем ушли.

Вернувшись с Кольского полуострова, заведующий конефермой Серегин сдал в колхозную кассу столько денег, что вопрос о теплице можно было считать решенным. Сдав деньги, он сразу же отправился на конюшню.

Там он застал тренера Карамышева, чистившего лошадь. Это был ладно пригнанный, ухватистый человек лет под сорок. Бывший кавалерист.

— Здорово, Петр,— сказал Серегин.

— А, Никифор Самойлович, наше вам,— приветливо ответил Карамышев, снимая с правой руки щетку.— Как съездилось?

— Подходяще. — Серегин придирчиво осмотрел ближние денники. Отметил чистоту.— ЧП никаких?

Карамышев недоуменно поглядел на него.

— А что тебя интересует?

— Как что? — удивился Серегин.— Все интересует.

К ним подошел Малахов.

— Тогда вот у него спрашивай,— ответил Карамышев.

— Почему у него? — спросил Серегин.

— Так ведь он же заведующий фермой-то! — чуть не закричал Карамышев, поняв, что Серегин ничего не знает о том, что его сняли с заведующих.

— А я кто? — спросил Серегин, и руки у него дрогнули.

— Разве с тобой не говорила Екатерина Романовна? — спросил Малахов. Он был твердо уверен, что Серегин сам захотел перейти на другую работу.

— Ловко, язвия б вас взяла, орудуете! — плюнул Серегин и хлопнул дверью так, что в одном из денников вылетело стекло.

— Плохо ты сделала, сняв Серегина,— в тот же вечер говорил Малахов жене.

— Была печаль,— беззаботно отмахнулась Катюша.— Ты про другое говори: Шершнев обещал дать самый крупный завод нам в шефы. Теперь-то уж построим такую теплицу!..

— Теплица теплицей, — в раздумье сказал Малахов,— но с Серегиным нехорошо получилось. Обидела ты человека, да и обо мне не подумала.

— Да о тебе только и думала, Васенька мой. И

брось-ка ты голову ломать. Ведь я председатель. Герой. Неудобно, чтоб муженек навоз возил. Тем более капитан...

5

Однажды в конце января в колхоз приехал Шершнев. Катюша увидела знакомую «Победу» из окон конторы. Торопливо сунув бумаги в стол (она стеснялась своего почерка: он был тяжелый, неровный, с таким нажимом пера, словно Катюша стремилась проткнуть бумагу), надев шубку, она выбежала навстречу секретарю обкома.

Шершнев стоял возле машины, крупный, с короткой шеей. Внимательно осматривал серыми глазами из-под лохматых бровей село.

— Здравствуйте, Сергей Севастьянович! — и радостно, и взволнованно сказала Катюша.— Даже и не позвонили, что приедете.— У нее было то состояние непринужденности, когда человек твердо знает, что его ожидает только хорошее.

— А я люблю вот так нагрянуть. Внезапно,— рокочущим басом ответил Шершнев и улыбнулся, смотря в то же время серьезным взглядом.— Ну показывайте хозяйство.

Неподалеку от него стояли двое. В одном из них Катюша узнала журналиста. Другого видела впервые: был он высок, сутул, в больших очках на маленьком лице.

— Ваш колхоз должен стать гордостью области,— говорил Шершнев, широко шагая по укатанной дороге.— Во всем необходимом обком поможет вам, но... — он погрозил Катюше,— чтобы подобных поездок на Кольский полуостров больше не было. Вы должны высоко нести свой авторитет.

От холодного блеска его глаз Катюше стало не по себе, и она была рада, когда Шершнев вошел на ферму. Коровы тихо позвякивали цепочками, которыми их привязывали к стойлам. Доярки почтительно смотрели на гостей.

— Непременно автопоилку установить,— обернулся Шершнев к высокому сутулому спутнику. Тот записал.

Выйдя из коровника, Шершнев так же быстро осмотрел телятник, спросил: «Есть ли падеж?» и, услыхав, что нет, удовлетворенно кивнул головой.

— Вашему колхозу надо стать застрельщиком по сохранению молодняка,— сказал он и посмотрел на журналиста. Тот что-то записал.— Сколько у вас дворов? — спросил Шершнев у Катюши.

— Двести.

— Приготовьтесь принять еще восемьдесят. Ваш колхоз будет укрупнен. Войдет деревня Рыбинка.— Это и есть маслозавод? — несколько удивленно спросил он, войдя в полутемное помещение, и покосился на журналиста. Журналист напыжился, покраснел.— Побольше света. Оштукатурить,— строго сказал Шершнев и, заметив заведующего с папиросой во рту, добавил: — Не курить!

Малахов помогал Карамышеву убирать денники, когда вошел Шершнев. И Малахов и Карамышев машинально встали, увидя грузную фигуру, двигающуюся на них.

Кони нервно переступали в денниках. Стучали копытами о деревянный пол. Гнедой-младший, горячий двухлеток, диковато косил темным глазом.

Шершнев внимательно всмотрелся в Малахова, увидал его, всего подтянутого, с ясными глазами, смотревшего открыто и честно, и приветливо кивнул головой. Чуть позади него шла гордая, счастливая вниманием секретаря обкома Катюша. Малахов ждал, что она остановит Шершнева, что-нибудь скажет, но она даже не взглянула на мужа.

Они прошли. Малахов, поймав себя на том, что стоит по команде «смирно», горько усмехнулся.

Когда он пришел домой, сразу понял, что Шершнев был здесь. Катюша убирала со стола. Перед ней стояли тарелки с объедками, недопитый в стаканах чай. Увидев мужа, Катюша счастливо улыбнулась, что Малахов не мог не спросить, что с ней.

— Даже и не верится,— ответила Катюша.— Сергей Севастьянович сказал, что меня будут рекомендовать депутатом в Верховный Совет.

Малахов сдвинул брови и ничего не сказал.

—Ты не рад?

— Не знаю...

— Чего ты не знаешь? — Катюша смотрела далеким взглядом в окно, на Волгу.

6

И вот Екатерина Романовна Луконина стала депутатом Верховного Совета. За нее агитировали, ходили по домам молодые и старые люди. Они рассказывали избирателям биографию женщины, которая от простой доярки поднялась до председателя колхоза, инициативного, знающего свое дело. И просили избирателей отдать за нее свои голоса. Она сама выступала на предвыборных собраниях. Ей аплодировали. Потом, ранним утром, люди потянулись к освещенным огнями домам. Репродукторы разносили в морозном воздухе бодрую, праздничную музыку. Многие, прежде чем опустить бюллетени, писали слова, полные любви и уверенности, что славная дочь народа выполнит их наказы.

Уже вечерело. Валил густой снег, мокрый, тяжелый. Музыка продолжала играть, но праздничная приподнятость угасла. Торопливо расходились по домам прохожие. Малахов в раздумье шагал к Дому приезжих. Не доходя двух кварталов, он увидел на стене плакат с портретом жены. Качающийся свет висячего фонаря косой полосой освещал его, оставляя в тени широко раскрытые, словно удивленные, глаза Катюши.

— Ох, Катя, Катя, далеко ты пошла,— прошептал Малахов.— Трудно тебе будет.

В Доме приезжих было шумно. В буфете мужчины и женщины немного подвыпили, громко разговаривали и хохотали. Бригадир Лазарев ликующе закричал:

— Капитан, ходи сюда! Мы ж тебя любим! — Он налил стакан и поднес Малахову.— За твою Катерину! За нашу Катерину!

Дуня Свешникова, раскрасневшаяся от вина, блестя черными зрачками, прижала к груди руки:

— До чего же я радостная! Я ли Катю не знаю! Пришла к нам с ребеночком. Бабы смеялись. А она вон куда метнула! — И неожиданно заплакала.

— Мы тебя любим, капитан,— обнимал Малахова Лазарев.— Ты вот и пришлый вроде, а наш. Потому как фронтовик. Война всех нас сроднила...

Он что-то еще говорил. Его перебивали другие. Тянулись к Малахову со стаканами, чокались. И все хвалили Катюшу. И его, Малахова. И ему становилось хорошо и спокойно.

Но из угла на него хмуро смотрел Серегин. Руки у него, как и всегда, безвольно свисали вдоль тела. Малахову сейчас очень не хотелось, чтобы кто-то сердился, угрюмо смотрел на мир.

— Никифор Самойлович,— сказал он и пошел к нему.

— Не трожь,— глухо сказал Серегин.

— Да брось ты, не сердись. Я уйду с фермы,— раскрываясь сердцем все больше, сказал Малахов.— Принимай ее!

— Ну, конечно, мужу депутатки можно ни хрена не делать! — насмешливо сказал Серегин.

Малахов побледнел. В комнате стало тихо. Откуда-то донеслась песня. Все смотрели на Малахова. И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не Дуняша Свешникова. Она заслонила Малахова и закричала на Серегина властно и гневно:

— Чего руки тянешь? Я ж тебя знаю. Драться хочешь. Так не выйдет тебе! — И повернулась к Малахову: — А вам тоже нечего растравливать человека. Ну, взяли от него ферму, так уж теперь на попятки не ходить. И нечего больше болтать. Поехали домой!

Возвращались с песнями, шумно, но Малахову казалось, что это нарочно кричат. Хмель прошел, и лишь осталась в голове тяжесть да в сердце беспокойное ощущение чего-то недоброго.

Катюши дома не было. Но не успел он раздеться, как она пришла, затормошила Олюньку, начала кружить мужа. Смеялась и сразу становилась серьезная.

— Ведь не может быть, чтоб не выбрали? — спрашивала она.— А если не выберут? Тогда стыда будет, стыда!.. — И закрылась ладонями. Но тут же опять засмеялась.

— Ну чего ты такой? Ну чего? — досадливо морщила брови Катюша, видя в муже какую-то скованность.— Ровно ты не рад?

Постучали в окно. Малахов отдернул занавеску. Стояла почтальон — тетя Галя. Олюнька выбежала на улицу и принесла телеграмму.

«Поздравляю депутата высокой честью. Шершнев».

Это значило, что голоса уже были подсчитаны, что она избрана. И только теперь Катюша поняла все то значительное, что произошло с ней. Она глубоко вздохнула, посмотрела на мужа. На ее лице появилась растерянная улыбка.

— Что-то страшно мне, Вася... Чего я там делать-то буду.

— Не знаю, Катя... Ты вон упрекаешь меня... А я боюсь...

Она не дала ему договорить. Не такие ей слова сейчас были нужны. Шершнев — тот бы раскатисто захохотал. «Что еще за страхи? — сказал бы он.— Лукониной страшно? Хо-хо!»

— А ты не бойся за меня,— встав перед мужем, сдержанно сказала Катюша.— И не тумань моего солнышка. Придет час, и ты подымешься.

— А я еще не падал, Катя,— сурово сказал Малахов.

Она круто повернулась к нему. Ее синие глаза холодно блеснули.

— Ай, да и неохота мне говорить,— с досадой сказала она.— Там, вверху, поди-ка, знают, что делать. Еще не хватало, чтобы мы с тобой поссорились, Васенька мой. А коли наругают меня и взашей надают,— уже невесело добавила Катюша,— не к кому — к тебе приду жалиться.

Это была опять она, его Катюша, и не стало сил у Малахова осуждать ее.

7

В самую ростепель она уехала в Москву на сессию. Малахов проводил ее и отправился на конюшню.

Зайдя в тренинг, он застал Карамышева возле Жереха. Тренер чистил жеребца и, посмеиваясь, говорил:

— Щекотно, а? Ишь ты, нежный какой. Щекотухи боишься. Важно, что ты это показал мне. На бегах я пощекочу тебя. А еще, может, чего боишься? — засмеялся Карамышев. Увидя Малахова, он вышел из денника.

— Ну что, отправил? — спросил Карамышев.

— Уехала.

— Далеко пошла наша Екатерина Романовна,— почтительно сказал Карамышев.— И скажи ты на милость, как она быстро вознеслась. А еще говорят, человек не родился в сорочке.

— А она что, в сорочке родилась? — улыбнулся Малахов?

— Должно, в сорочке. Иначе как же?

— А ты?

— А что я?

— А ты в сорочке?

— Какая там, к ляху, сорочка! Матка не донесла до постели. На полу обронила.

— Как Наполеона,— рассмеялся Малахов.

— Ну? — не поверив, спросил Карамышев.— Так-таки Наполеона матка на полу и родила?

— Говорю же.

— Скажи на милость, какое совпадение,— покрутил головой Карамышев.— Это я запомню.— И неожиданно захохотал громко, во весь рот, так, что в денниках запрядали ушами лошади.— Его, верно, потому и прозвали: «На полу он!»

— Давай-ка выпустим лошадей на прогулку,— сказал Малахов и сам открыл первый денник.

Жерех ветром вылетел на свободу. За ним — Гнедой-младший. Звездочка тонко заржала, просясь на волю. Ей раскатисто и могуче ответил Жерех и заносился по кругу, кося фиолетовым глазом за ограду, где лежал простор, где можно было нестись напропалую. Гнедой-младший высоко вскинул задними ногами и пошел, задирая голову, вслед за Жерехом.

— Да,— стоя рядом с Малаховым и любуясь лошадьми, произнес Карамышев.— Не знаю, правда, не знаю, нет, но вчера в чайной Серегин бахвалился, будто он первый надумал создать племенную ферму. Дескать, никому не сказывал, а сам, по собственному почину водил кобыл на случку в совхоз. Вот и пошли Жерех, Гнедой-младший и Звездочка. Теперь-то, говорит, легко Малахову племенную ферму заводить...

— Пожалуй, он прав,— спокойно ответил Малахов.— С неба такие красавцы не валятся.

— Да вот прав, а никто про это не знает,— недо-

вольным голосом сказал Карамышев и подергал себя за ус.

— А это очень важно, чтоб знали? — спросил Малахов, с любопытством глядя на тренера.

— А как же?— встрепенулся гибким телом Карамышев.— На то и работаем, чтоб знали, кто что сделал в своей жизни. Взять хоть и Серегина. Придумал человек доброе для колхоза — его сняли, а тебе, выходит, честь и почет... Нет, ты вот так сделай, чтоб след остался! Прошло хоть и двадцать годов, а посмотрел в какую-нибудь запись, а там стоит фамилия и дело, которое человек совершил. Тогда будет справедливость.

Карамышеву почему-то казалось, что после его слов Малахов будет с ним спорить, возможно, даже обидится. Но, к его удивлению, Малахов согласился. Больше того, стал говорить о том, что это здорово интересно, что такую книгу надо непременно завести в колхозе. Да, да, и пройдет время — все станет иным. Вместо этой старой деревни, с ее деревянными домами, с узкими, словно плачущими, окнами, с полутемными фермами, появится замечательный поселок, с такими же квартирами, как и в городах, с водяным отоплением, газом (прощай, русские печки!), с водопроводом. Открыл кран — и бежит вода. Не надо ее таскать с колодца. И вот тогда соберутся люди, станут читать книгу нашего колхоза и увидят, как все мы вместе и каждый в отдельности думали, настойчиво искали, чтобы свой колхоз сделать лучше.

Это будет родословная инициаторов. Из поколения в поколение она станет расти. И какой-нибудь внук увидит дела своего дедушки. И, скажем, узнает, что Карамышев Петр Николаевич первым придумал книгу инициаторов нашего колхоза, с волнением закончил Малахов.

Карамышев удивленно смотрел на него. Больше всего тренера поразила та взволнованность, с какой говорил Малахов. Случайно он перевел взгляд на лошадей и увидел, как Гнедой-младший отвечает ему таким же ласковым движением. В этом было что-то хорошее, дополняющее слова Малахова.

— Прямо скажу тебе, Василий Николаевич, ты разволновал меня,— глуховато сказал Карамышев.— Я как-то о том, что будет, мало думаю. А ты мне ровно

окошко открыл. Да и то сказать, думать-то некогда. Работать приходится много. И как-то завязнешь в своих делах, и голову не оторвать от земли. А другой раз подымешь и такое, я тебе скажу, увидишь небо высокое, что дух захватывает... И захочется стать лучше, чище сердцем.— Карамышев помолчал, подергал ус. И вдруг громко захохотал.— Книга инициаторов! Я, говоришь, придумал? — И тронул руку Малахова.— Но только, слышь, давай в эту книгу впишем Серегина. По справедливости!

— Ну а как же! Непременно Серегина впишем,— испытывая большое, ласковое чувство к Карамышеву, ответил Малахов.

В тот же вечер он поговорил с Дуней Свешниковой.

— Что ж, я не возражаю,— деловито сказала она.

— При чем тут «не возражаю»! До тебя, видно, не дошло,— загорячился Малахов.— Ты подумай, как это хорошо будет, когда каждый на своем месте начнет искать. Находить новое. Творчество появится, понимаешь? Ведь об этом в газетах говорят. Чтоб не исполнители, а творцы у нас были!

Дуняша наморщила лоб. Она была проста. Могла по-бабьи всплакнуть, посочувствовать и непременно сделать так, чтоб человеку стало хорошо. Колхозники ее уважали. Райком партии ценил за аккуратное выполнение всех указаний.

К тому, о чем говорил Малахов, она сначала отнеслась чисто по-деловому. Есть Доска почета, Доска соревнования, Доска выполнения плана, пусть еще появится Книга инициаторов. Но Малахов сумел и ее зажечь так, что она не только дала согласие, но на другой же день сама съездила в райцентр, купила большой альбом для рисования и попросила старшую дочурку (у той был красивый почерк) крупно написать на альбоме, что это за книга, когда она начата, кому принадлежит. В ней появились первые записи: в самом верху — тренер Карамышев, предложивший идею самой книги. За ним шел Серегин — инициатор племеноводства на конеферме. Потом Екатерина Луконина, по предложению которой были построены маслозавод и картофелетерка. И комсомолка Верещагина, создавшая драматический кружок.

Об этой книге сразу заговорили. Но так как же-

лающих посмотреть ее было много, то Дуняша Свешникова, боясь, как бы книгу за короткое время не растрепали, придумала выносить имена инициаторов на большую доску возле конторы.

Новое всегда влечет. Каждому захотелось тоже что-нибудь придумать. И к тому времени, как вернулась из Москвы Екатерина Романовна, список увеличился чуть не вдвое.

Она приехала возбужденная, ошеломленная тем, что довелось ей повидать. Все эти встречи со знатными людьми, с генералами, академиками, писателями заполнили ее так, что все теснилось, требовало какого-то выхода. Ее потрясли своим величием залы Кремля, сама Москва, в которой ей не приходилось бывать раньше. Но возбуждение ее несколько померкло, когда она увидела себя окруженной повседневной жизнью, какой жил колхоз, со всеми его трудностями, массой мелочей, со слезами старух пенсионерок, которым почему-то заместитель Пименов не выдал картошки, с рапортами бригадиров о невыходах некоторых колхозников, с падежом поросят. А тут еще попалась ей на глаза Доска инициаторов.

Прижмурив глаза, Екатерина Романовна долго стояла перед нею. Практическим складом своего ума она прекрасно поняла, к чему это ведет. Если бы только муж записал на себя маслозавод и картофелетерку, то на долю председателя ничего бы не осталось. И вышло бы так, что все думают, все умные, а ей нечего сказать и она вроде пустого места. Еще больше взвинтила ее заметка в районной газете, в которой хвалили Карамышева.

— Прямо смех,— сказала она мужу.— Хоть бы уж ты додумался, а то на́ вот тебе — Карамышев!

— Зато посмотри, что с человеком делается. Во всякое дело лезет.

— Пусть за своим-то как следует смотрит,— тяжело шагая по комнате, сердито сказала Екатерина Романовна. И вдруг остановилась перед мужем.— Чего ж теплицу на меня не записали? Это все проделки, поди, Дуняшки Свешниковой!

— Она хотела записать, но я был против,— серьезно глядя на жену, ответил Малахов.— Ведь это Шершнева инициатива...

— Вона! — только и сказала Екатерина Романовна.

Теперь она часто отлучалась из колхоза. У нее были еженедельные депутатские дежурства. Кроме того, ездила то в Н-ск, то в райцентр. Сидела в президиумах торжественных заседаний. К ней уже приезжали из областного издательства. Она рассказывала. За нее кто-то писал брошюрку о методах руководства колхозом. И ей давали на подпись уже сверстанную корректуру. Однажды приехали из кинохроники. И вскоре Екатерина Романовна, сидя среди своих односельчан в клубе, видела на экране себя, фермы, доярок. Сильный дикторский голос рассказывал о больших успехах, достигнутых колхозом «Селяницы». И хотя в колхозе были недостатки, они не упоминались ни на заседаниях, ни в печати. А отмечалось только лучшее, что было в колхозе. Колхоз «Селяницы» прочно встал в тот незыблемый ряд хозяйств, которые могут служить только примером.

Все это убеждало Екатерину Романовну в том, что она правильно руководит хозяйством.

Первое время, возвращаясь из поездок, она еще советовалась с мужем, рассказывала о том интересном, что видела, слышала. Но потом как-то перестала. Возможно, сказывалась усталость. А позднее — привычка, когда значительное становится обыденным. Она уже не расспрашивала Василия, как он живет. Часто обрывала с ним разговор на полуслове, как бы говоря, что все это мелочи, а ее интересуют большие дела. И это равнодушие к нему начало тревожить Малахова. Он чувствовал: Катюша отдаляется от него.

Не прошло и месяца после того как вернулась Екатерина Романовна из Москвы, и снова ее вызвали в столицу. Уже оттуда она сообщила, что едет с делегацией в Закарпатье. Было в ее взлете что-то сказочное. «Впрямь в сорочке родилась»,— удивленно думал Малахов, вспоминая слова Карамышева.

Все эти дни, пока Лукониной не было, дела в колхозе вершил угрюмый, малоподвижный заместитель Пименов. Он целыми днями сидел в конторе, предоставив бригадирам полную свободу. Если они обращались к нему, то он обычно говорил: «Вот уж приедет председательша, тогда и решим», так что его вскоре оставили в покое.

Разъезды Лукониной имели свои последствия. Кол-

хоз без руководителя — уже не колхоз. Все работают, но нет единой руки, которая бы направляла. А тут еще пошли нелады с укрупнением. Скот из Рыбинки перегнали на молочную ферму в Селяницы. Коровы оказались малоудойными. Заведующая фермой Маклакова, вообще-то сдержанная женщина, начала горячиться, как только заметила, что общий надой по ферме стал снижаться. Заставила пастуха обратно гнать коров. Тот перегнал. Но корма остались в Селяницах. Бригадир по кормодобыванию Анастасьев, вместо того чтобы отвезти в Рыбинку сено, начал «пировать» — каждый день пропадал в чайной, где всегда была водка и бочечное пиво. А когда собрался наконец отвезти сено, оказалось, что сена уже нет. С досады он плюнул и пошел опять в чайную. В Рыбинке скот отощал. Надвигался падеж. Малахов кое-как расшевелил Пименова. И тот распорядился опять перегнать коров в Селяницы, пригрозив Маклаковой, что снимет ее с заведующих, если она не пустит скот на ферму. Та выругалась и пустила. Но теперь отказались работать доярки из Рыбинки. У себя они надаивали по три тысячи литров от коровы, получали дополнительную оплату, так как план надоя был всего две с половиной тысячи. Здесь же им план увеличили, и доплаты они лишились. В общем, началась такая неразбериха, что Пименов боялся и нос показать на ферму и с нетерпением ждал приезда Екатерины Романовны.

А ее не было. На улицах Селяниц иногда стали раздаваться песни средь бела дня. Начались поздние выходы на работу.

«Хоть бы Катюша скорее приехала»,— тревожно думал Малахов.

Она вернулась в конце мая. Еще задолго до прихода поезда Малахов приехал с Олюнькой на станцию.

Май в этом году стоял солнечный, ясный. Вначале прошли дожди, потом установилась мягкая погода, и земля быстро оттаяла. По ночам после пахоты от нее подымалось тепло. Старики предвещали урожайный год. Но весенняя пахота прошла в Селяницах с запозданием. С большим трудом кое-как вышли на среднее место по району. И то еще спасибо Дуняше Свешниковой да Малахову. Каждый вечер они после работы обходили участки, подтягивали коммунистов, если те не справля-

лись с диевиым заданием. А уж за коммунистами шли беспартийиые.

Малахову было особенно трудно говорить с людьми. Ему мало верили. «За бабу свою хлопочет!» — говорили одии. «Депутат, как же!» — вторили другие. И только потому ие отказывались прихватить и вечерние часы, что боялись — пожалуется председателю. А председатель в колхозе — власть! Так уж лучше отойти от греха. Все это Малахов замечал. И, как всегда, ему было больио, что миогие люди ие поиимают, где их счастье лежит. И порой думал о том, что люди еще ие зиают по-иастоящему, ие постигли глубокого зиачеиия коллективного труда. Что еще довлеет иад иими власть своего куска, пусть малого, ио своего. И тогда ои готов был сам все сделать за всех, лишь бы доказать их иеправоту.

Сначала пиоиер, комсомолец, а потом коммуиист, Малахов все слова партии, всю ее науку прииимал в сердце как великую правду. И эта правда его иикогда не обманывала. Ои был счастлив верить ей. И ие поиимал и ие любил тех людей, которые жили особняком, хитрили, думая только о себе.

Малахов иетерпеливо поглядывал иа большие круглые часы, висевшие у подъезда вокзала. Как и всегда, он испытывал радостио-встревожеииое состояиие, ожидая Катюшу. Сладкая тоска охватывала его сердце от одиой мысли, что вот оиа сейчас явится.

Из дверей вокзала повалил иарод. Малахов приподиялся в коляске, высматривая в толпе жеиу, и увидел ее веселую, смеющуюся. Около Катюши жалась Олюиька. Толпа их вытолкиула на площадь, и оии уже свободио подошли к коляске.

Малахов соскочил иа землю. Встретился глазами с Катюшей и засмеялся от радости.

— Вспомиивал ли хоть? — передавая чемодан, спросила Екатериив Ромаиовиа.

— Еще бы,— широко улыбиулся Малахов,— во сие стал видеть!

— Дядя Вася, мама и на самолете летала! — радостно говорила Олюиька.— Расскажи, мама!

— Ты-то расскажи, как жила?

— Хорошо! Ну расскажи, мама!

Оии уже ехали окраиной, вдоль иизеиьких деревяи-

ных домов. В огородах копали землю. На припеке, у заборов, зеленела трава. Был май. Милый май, когда все раскрывается навстречу солнцу.

— Чудно́ летать! — весело рассказывала Екатерина Романовна.— Все-то облака под нами. Ну все равно как зимой по сугробам едешь. А то вдруг облака пропадут, и далеко-далеко внизу — земля. Большая, без края. Аж сердце замирает. И домики махонькие, и дороги как вот жилы на руке. И по ним машины бегают, ровно божьи коровки. А то вдруг облака мимо нас стоймя идут. Ну прямо чудо... Ты не летал? — спросила она мужа.

— Нет,— ответил Малахов, сворачивая на полевую дорогу.

Она взглянула на него. Как обычно, он был опрятен: сапоги начищены, побрит. Но в этот раз он показался ей со своей опрятностью каким-то незначительным, словно только и умел, что держать себя в чистоте.

А у нее перед глазами стояли приемы, какие ей оказывали в Закарпатье, номер в гостинице с ванной, которую она принимала два раза в день. Уж так ей понравилось купаться в ванне!

— Еще, мама, расскажи что-нибудь!

— Вот так и летала. Сначала страшно было, а потом приобвыкла. Обратно-то уж запросто.

— Как Закарпатье? — спросил Малахов, погоняя тяжеловатого, но старательного жеребца Оврага.— Я ведь бывал там в войну.

— Гор много. В городах чистенько. Домики опрятные. Но вообще-то ничего особого. На машине возили нас. Условия, конечно, создали нам хорошие.— Она сидела довольная, важная, как говорят, «знающая себе цену».— А тебе, доченька, я привезла костюм вязаный,— сказала она, прижимая к себе Олюньку.

«Костюмчик привезла. Будто на базар съездила»,— вдруг подумал Малахов.

— Ну что у вас нового? — донесся до него голос жены.

— У нас? У нас неладно, Катюша. Нельзя тебе так часто отлучаться из колхоза. Еле уложились в сроки по севу.

Они ехали полями. По обе стороны от них свободно лежала земля соседнего колхоза. Дымились зеленым

огнем озими, в наклонку работали женщины, высаживая рассаду.

— Что ж так? — недовольным голосом спросила Екатерина Романовна.— Выходит, и положиться нельзя ни на кого?

— Да ведь еще многого не сделано,— заметил Малахов.— Столько огрехов в хозяйстве, куда там!

— Неужто! — отрывисто произнесла жена.— Ну да ладно, вот приеду, наведу порядок. А ездить я, Васенька, буду. Дела того требуют. Какой же я депутат, если дальше своего колхоза носа не покажу...

— Да ты погляди, что с колхозом делается! Не успели рассаду высадить, как сорняк забил. Мужики пьянствуют. С тебя ведь все спросится.

— Велико дело — сорняки! Выполем. А что мужики пьют, так когда они не пили-то? И брось-ка об этом думать. Не порть встречу! — с досадой закончила она.

Приехав в село, Екатерина Романовна не пошла домой, а сразу же направилась в контору. Пименов облегченно вздохнул, увидя ее. С удовольствием уступил место за председательским столом.

— Ну, что здесь без меня наработали? — спросила она, сбросив с головы шелковый платок.

— Да вот, добиваюсь концентратов. Как ты уехала, все обещают,— виновато ответил Пименов.

Концентрированные корма для скота действительно было получить нелегко. По плановой разнарядке они всё выбрали. Но своих кормов уже не было. И Екатерина Романовна перед отъездом сумела через Шершнева добиться сверхплановых. Поэтому дело оставалось только за тем, чтобы их вывезти.

— Э, хуже бабы! — сквозь зубы сказала Екатерина Романовна и позвонила в обком.

Трубку взял Шершнев. Что-то спросил. Она ему ответила:

— До отдыха ли, Сергей Севастьянович, и домой не заходила.

Он еще ей что-то сказал. Она засмеялась. Пименов удивленно смотрел на Екатерину Романовну и не понимал, как это можно вот так свободно разговаривать с высоким начальством. Он же обычно бывал рад-радешенек, если начальство его не замечало.

Переговорив с Шершневым, Екатерина Романовна

опять стала серьезной. Сказала, чтобы Пименов наутро собрал всех бригадиров и заведующих фермами.

Зазвонил телефон. Ее вызывал тот самый Иванов, который не отгружал концентраты. С ним она говорила полушутя-полусерьезно, но за ее шутками чувствовалась сила.

— Вот так, Николай Иванович, давай-ка работать,— говорила она, постукивая пальцем по столу.— Чего прошу, так уж исполняй, а не то встретимся — последние волосенки с бороды выдерну. Не больно-то она у тебя густая.— И, положив трубку, сказала Пименову.— Наряжай машину. Да попроворней.

Пименов опять не мог не удивиться тому, как быстро все решилось у Лукониной.

После этого Екатерина Романовна еще с час пробыла в конторе. Просматривала сводки, документы учетчика, акты и собралась было уже уйти, как в комнату быстро вошла Дуняша Свешникова.

— Бегом бежала, как узнала, что ты приехала,— тяжело дыша, сказала Дуняша.— Ну, как съездила, хорошо?

— Съездила-то хорошо, а вот пока меня не было, вы чуть сев не завалили,— строго посмотрела на нее Екатерина Романовна.

Опять зазвонил телефон.

— Луконина слушает. Совещание? Хорошо. Буду.— Она поднялась.— Вот так-то, Дуняша. Порассказала бы, да некогда.

— Я не за тем бежала, чтоб узнать, как ты съездила,— с обидой в голосе сказала Дуняша.— О колхозе хотела поговорить. Без тебя прямо как без рук.

Последние слова, видимо, польстили Екатерине Романовне. Она снисходительно положила руку на голову Дуняше. Посмотрела в ее маленькие черные глаза, окруженные сеточкой морщин, и ей стало жаль эту невзрачную женщину, которой вряд ли доведется выйти в знатные люди.

— Все-то ты ездишь на совещания,— продолжала Свешникова,— а колхоз — ровно ребенок заброшенный.

— Был бы плох колхоз, ругали б, а нас всюду хвалят,— резко сняв руку, сказала Екатерина Романовна.

— Да за что хвалят-то, Катюша? Все по старой памяти — за ферму да маслозавод. Передовой, передовой,

кричат, а чего в нас передового? Вон сев-то еле вытянули!..

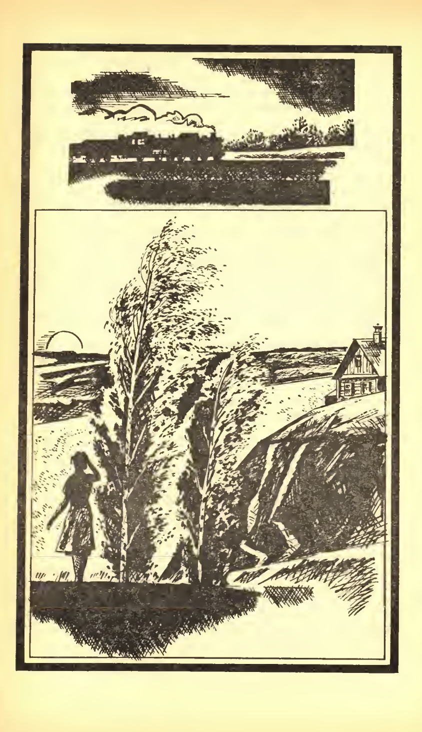
— Не пойму, чего вы тут паникуете. Мой тоже мне долдонит. И ты еще тут! Завидки вас, что ли, на меня берут? Поди-ка, Шершнев Сергей Севастьянович меньше тебя понимает! Ты вот лучше поглядывай за курями. По сводкам-то не ахти какие у тебя несушки. Да приготовь брудер: завтра цыплят в совхозе достану.

И, не прощаясь, ушла.

Вечер стоял теплый. Солнце спокойно уходило за Волгу. С пастбища гнали по улице скот. Коровы, мыча, расходились по прогонам. Овцы, жалобно блея, метались у закрытых калиток. Их тоскливо-тревожные голоса, знакомые с детства, как-то еще больше усиливали то сложное состояние, в котором находилась Екатерина Романовна. Ей все это было и близко, и дорого, и вместе с тем как-то не нужно. После Москвы и Закарпатья, этой совершенно иной жизни — большой, возвышенной, ей уже все, с чем бы она ни соприкасалась в своем колхозе, казалось мелким. Ее раздражали разговоры с мужем, со Свешниковой. Катюша была твердо убеждена в том, что эти люди (уж так получилось, и в этом она не виновата) оказались где-то далеко внизу, в то время как она поднялась, достигла верхов. И где им понять то, что ей совершенно ясно! Если Шершнев называет ее «самородком», то, значит, ценит ее. Так почему же всякие Свешниковы стараются принизить ее авторитет? И Василий тоже хорош. Нет чтобы гордиться женой, так туда же: «Не езди больше!» Поди-ка не знаю, что делаю...

Она завернула к конюшне, хотя и не думала до этой минуты туда идти. Но на сердце кипело, и хотелось досадить Василию.

Тренер Карамышев сидел в беговой качалке. Жерех свободно бежал по кругу, направляемый чуткими руками тренера. Малахов стоял у ограды с секундомером в руке и наблюдал. «Конечно, с часиками куда проще стоять,— недружелюбно подумала Екатерина Романовна, подходя к мужу.— Невелико занятие. Дорвался до лошадей и рад-радешенек». Она забыла о том, что и сама когда-то начинала с доярки и что именно ферма помогла ей прославиться. Теперь все это казалось ей малозначительным.

— Смотри, ие осрами иа бегах,— прижмурив глаза и следя за красивым бегом Жереха, сказала Екатерииа Ромаиовиа.

— За Жереха бояться иечего. Он хорош. Вот Звездочка ие иатужлива, быстро выпаривается,— ответил Малахов.

— Зиачит, ие выпускать ее. А то еще скажут, что Екатериина Романовна каких-то лошадеиок иезадачливых поставила.

Эти слова иеприятио кольиули Малахова.

— Как-то ты страиио рассуждаешь, Катя,— заметил ои.— А нам-то разве всем безразличио, как покажут себя иаши коии?

— С вас спрос иевелик, а Лукониной позориться не пристало.

Карамышев остаиовил коия.

— Ну как? — выскакивая из качалки, спросил ои.

Малахов только сейчас вспомиил, что не засек время. Досадливо суиул секундомер в кармаи.

— Прогуляй его — и в дениик,— сказал он. А когда вериулся к жене, ее уже ие было.

Быстро и решительно она уходила от иего.

С этого дия у Малахова возиикло сложиое отношеиие к жеие. Одна мучительная мысль всюду его преследовала. Ои знал, что раио или поздно не только ои, ио и все увидят громадное несоответствие между громкой славой жеиы и колхозом, который ничего собой ие представлял.

А Екатериина Ромаиовна все ездила: то иа заседания, то на совещаиия. Оиа сидела только в президиуме. Иногда выступала, читая по листку чужие, совершенно ие свойственные ей слова. Потом эти слова печатались в газетиых отчетах, передавались по радио. Шершиев запросто брал ее под руку, прогуливаясь во время перерыва. Подзывал других знатных людей и, разговаривая, шел, окруженный Героями, ордеиоиосцами. К ним подбегали фотографы, иацеливали аппараты. Сиимки появлялись в газетах. Словом, две жизии заполняли Екатериину Романовиу, из которых одна была красивой, на виду, и другая, состоящая из иудиых забот, постоянных дергаиий, когда кому-то чего-то иадо, когда каждый считает себя вправе требовать, а оиа должна выполиять эти требования.

Положение Екатерины Романовны помогало ей вести хозяйство. Депутат страны, Герой, женщина-председатель — все это имело значение в глазах местных руководителей. И если ей требовались для фермы дополнительные корма (а своих кормов обычно не хватало), то их давали. Шефы бесплатно строили теплицу, проводили водопровод, строили кормоцех. Директор МТС в первую очередь направлял лучшие машины в колхоз «Селяницы». Екатерине Романовне ничего не стоило снять трубку и позвонить Шершневу в любое время, и тот давал соответствующие указания тем или иным лицам, и «лица» делали то, что нужно было для колхоза «Селяницы».

— Но это же иждивенчество,— говорил Малахов Дуняше Свешниковой.— Надо самим создавать кормовую базу, а не просить подачек. И механизировать мы должны сами, а не за счет шефов. Ты гляди: мужики-то на работу ходят через пень колоду. А уборка начнется, опять проси помощи у горожан? Это все потому, что на чужое надеемся.

Но Дуняша не соглашалась с ним. Она была довольна той силой, которой обладала Екатерина Романовна, и считала, что все это так и должно быть.

— Мудришь ты,— вздыхая, говорила Дуняша.— С Катюшей-то хорошо живешь?

— Занята она. Ездит много,— уклончиво отвечал Малахов и уходил, испытывая чувство неудовлетворенности.

Но все же порой и у Екатерины Романовны бывали часы раздумий. Она хотела понять мужа. И как бы новым взглядом смотрела на хозяйство. Обходила фермы, поля. Кое-что ей не нравилось. Но в целом все казалось таким, каким и должно быть. И тогда глухое чувство неприязни к Василию охватывало ее. «Что ему нужно? — раздражаясь, спрашивала она себя.— Может, и его завидки берут? Так ведь, господи, Васенька, разве я не была бы рада, чтоб и ты встал в ряд со мной? Вот отличись на лошадках — может, и тебя заметят. Да нет, не дают Героя за лошадей-то... В полеводство ежели тебя перевести? Дал бы ты геройский урожай. Да вряд ли на наших землях этого добьешься...»

— Ну, присоветуй мне, как сделать, чтоб и ты был на виду? — спрашивала Екатерина Романовна.

— Зачем? Мне и так хорошо,— отвечал Малахов.— Я о тебе думаю.

— Опять обо мне! Не пойму я, чего ты хочешь от меня!

— Слава-то не по делам раздута. Разве не видишь? Вот и хочу, чтобы уважали тебя.

— Поди-ка меня не уважают,— насмешливо глядела на мужа Екатерина Романовна.— Совсем уж ты стал заговариваться...

— Ну как тебе объяснить! — с болью говорил Василий.

— Все я понимаю. Нечего мне объяснять.

— Не понимаешь ты!

— Неужто! Не понимала бы, так не была бы и депутатом! — словно победный козырь, бросила она эту фразу. И уходила.

Теперь уже не было тех простых, ясных отношений. Кончились прогулки по Волге. Чем больше Малахов тревожился за жену, тем холоднее становилась она. Нужен был только небольшой повод, чтобы произошел взрыв. И повод такой нашелся.

На ипподроме бега́ начинались в одиннадцать дня. Здесь был собран цвет лучших конеферм области. Три совхоза, воинская часть и пять колхозов прибыли бороться за свою честь. Под навесом собралась публика. В центре уселись руководители области. Даже издалека была заметна тучная фигура Шершнева в чесучовом пиджаке и черной шляпе. На траве, за беговой дорожкой, сидели ребятишки.

День выдался тихий. До Карамышева доносился глуховатый, невнятный, словно прибой, говор народа. Гнедой-младший нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Бил копытом землю.

— Спокойней, спокойней,— говорил ему Карамышев.

Он и сам волновался. Но волнение было не от предчувствия провала, а от нетерпения. На Гнедого-младшего и Звездочку он мало надеялся. Но Жерех должен был прославить колхоз.

Началась проминка. По желтому кругу побежали лошади. Гнедой-младший, чуть заворачивая морду, шел легко и уверенно. Карамышев, проезжая мимо трибуны, отыскал напряженное лицо Малахова. Качнул ему

головой, как бы говоря не то ему, не то себе: «Ничего. Пока все хорошо».

Но хорошего оказалось мало. На первом же кругу Гнедой-младший далеко отстал от серого в яблоках жеребца воинской части. Тот, распластав свое длинное тело, далеко забрасывая ноги, шутя ушел вперед. Это вызвало смех на трибуне. Смеялись над Гнедым-младшим.

Екатерина Романовна, нервно комкая платок, позабыв про эскимо, таявшее в руке, сурово глядела на позор своего колхоза.

Несколько минут дорожка была пуста. Ударил колокол. Новая пара помчалась по кругу. Екатерина Романовна следила за ней без интереса. Так же глядела и на следующую. Но как только вышла Звездочка, почувствовала, что стало трудно дышать. Не отрываясь, она смотрела то на нее, то на Карамышева, который, как и в первый раз, сидел чуть подавшись вперед. Звездочка сразу же вырвалась. Но Карамышев слегка придержал ее. Теперь Звездочка пошла ровно, чуть касаясь подковами песка дорожки.

Мимо трибуны прошуршала резиновыми шинами качалка соперника из колхоза «Первое мая». На ней сидел сухонький, белоголовый, похожий на одуванчик старик. С трибуны закричали. Но он даже не повернулся. На втором круге он сидел так же спокойно, но расстояние между его тяжеловатой кобылой и Звездочкой сократилось. Екатерина Романовна гневно посмотрела на мужа, Малахов ел мороженое. Звездочка отставала. Тогда Екатерина Романовна, уже не владея собою, зло дернула мужа за руку:

— На позор выставил?

С трибуны донеслись радостные крики первомайцев. Старичок раскланялся.

— Екатерина Романовна! — окликнул ее секретарь райкома. Он пробирался по рядам.— Шершнев зовет.

«Ругать будет»,— тревожно подумала она.

Шершнев показал ей на свободное место рядом с собой.

— Зачем вы приняли участие в бегах? — сухо спросил он.

Екатерина Романовна молчала.

— Впредь прошу советоваться. Вы не должны себя компрометировать. Еще лошади есть в заезде?

— Есть.

— Снимите.

— Хорошо.— Она решительно прошла к мужу.

— Набегался! Хватит! — пылая от злобы и обиды, сказала она.— Сейчас же сними Жереха.

— Жереха? — удивленно поглядел на нее Малахов.— Ты что? Жерех — наша ставка!

— А я тебе говорю: сними! — Ее глаза стали темными.

— И не подумаю.

— Молчи уж! — Екатерина Романовна торопливо сбежала по лесенке, пересекла зеленое поле.

— Сейчас же всех лошадей домой,— сказала она Карамышеву.

— Да ты что, Екатерина Романовна? Как же так можно? — заволновался Карамышев.— Ты погляди, как мы сейчас их обшпокаем!

— Хватит! Нагляделась! Только позорите! Домой!

Карамышев отчаянно махнул рукой, выругался и пошел за Жерехом.

Дома разыгралась бурная сцена.

— Это ты нарочно все сделал! — кричала, плача, Екатерина Романовна.— Чтоб только принизить... Тебя завидки берут, что я так поднялась.

— Что ты говоришь, думай! — бледнея от гнева, отвечал Малахов.— Жереха сняла! Жереха!

— Все думаю! Все вижу! Спасибо тебе, Васенька, ввек не забуду! Такая-то твоя любовь?

— Катя!

— Что Катя? Что?

В злом несправедливом запале она готова была поносить его любыми словами. Он это понимал. Понимал и то, что потом ей будет стыдно. И чтобы уберечь ее, ушел из дому.

Долго ходил по берегу. Думал. Да, слишком все сложно получилось. Надо было что-то придумать такое, чтобы она поняла свою неправоту. Так дальше жить становилось невозможно. И, борясь за жену, за свою любовь, он решил поехать к Шершневу.

Шершнев явился только к вечеру. Все это время Малахов, ничего не евший с утра, просидел в приемной. Ему смертельно надоело смотреть на стены с ковровыми обоями, слушать четкий удар маятника больших, стоявших в деревянном футляре часов. Его томила тишина, негромкий голос девушки-секретаря, кому-то отвечавший по телефону. И он облегченно вздохнул, когда наконец-то явился Шершнев.

Прошло минут десять, и девушка пригласила Малахова в кабинет.

Шершнев с кем-то говорил по телефону. Свободной рукой он указал на кресло. Малахов увидел на его лице улыбку. Сел.

— Что скажете? — спросил Шершнев.

— Я муж Лукониной.

— Помню.

— Пришел к вам поговорить,— начал Малахов, испытывая то обычное затруднение, какое часто охватывает человека при разговоре с официальным лицом.— Что-то неладное творится с женой.

Шершнев приподнял брови.

— Ну вы сами посудите, ведь такая ей слава... Уже вся страна знает Луконину,— смотря на Шершнева, говорил Малахов, с трудом подыскивая слова, чтобы высказать то, что мучило его.— А колхоз-то ведь ничем не замечателен. Его подымать надо. А ей не под силу. Всего три класса окончила. Как же ей руководить? Учиться бы. А она не может. Все совещания у нее, заседания. Прежде времени выбрали ее председателем.

— Что-то мне вас трудно понять,— сказал Шершнев.— Вы что же, против того, чтобы простые люди из народа шли к руководству?

— Нет. Я не против. Но ведь не всякая же хорошая доярка может быть хорошим председателем колхоза. Вот я к чему говорю. А Катюша малограмотна...

— Это, конечно, жаль, что Екатерина Романовна малограмотна.— Шершнев пристально посмотрел на Малахова.— Но у нее так сложилась жизнь. И это не может быть причиной, чтобы мы таких самородков, как она, не выдвигали на руководящие посты.

— Но ведь ее надо учить. Ей нужна культура, зна-

ния,— перебил его Малахов.— А у нее этого нет. Она даже не может понять того, что стала о себе очень высокого мнения.

— А-а...— качнул головой Шершнев.

— Мне думается, будет правильно, если она вернется на ферму. Тогда ей будет легче. За работу на ферме ее наградили. Оттуда ее слава пошла. А теперь она председатель. И для председателя получается: слава у нее дутая.

— Вы что, не любите жену? — Шершнев встал. Поглядел сверху на Малахова.

— Люблю. Только потому и пришел, что люблю.— Малахов тоже встал. Он был одного роста с Шершневым.

— Домостроевщина в вас говорит, вот что я должен вам сказать. Как это так вдруг: жена — и оказалась выше. А?

— Какая там домостроевщина! — воскликнул Малахов.— Боюсь я за нее.

— Вы коммунист? — резко спросил Шершнев.

— Да.

— С какого года?

— С тысяча девятьсот сорок второго.

— Тем более. Ваша задача — помогать Екатерине Романовне, а не подрывать ее авторитет, как это вы сделали на ипподроме. Она останется председателем. Обком Луконину в обиду не даст. И вы за нее не бойтесь.— Шершнев подал Малахову руку. Улыбнулся, глядя серьезными глазами, словно прощупывая.— Передайте Екатерине Романовне мой привет.

После ухода Малахова Шершнев несколько секунд задумчиво смотрел перед собой, потом снял телефонную трубку и вызвал Луконину. Услышав ее властный, твердый голос, невольно улыбнулся. Он знал: стоит ему только назвать себя, как этот голос смягчится, приобретет теплые тона. Так оно и случилось. Шершнев расспросил ее о делах, поинтересовался работой молочной фермы, удивился, узнав, что надои снизились, и пообещал ей помочь с кормами. И потом уже, как бы между прочим, спросил:

— А чего же ты с мужем-то не ладишь?

Наступило молчание.

— А откуда вы знаете? Был он, что ли, у вас? —

негромко спросила Екатерина Романовна и рассказала, что муж не понимает ее, завидует ей.

«Ну, правильно,— подумал Шершнев,— так и я решил».

9

Домой Малахов вернулся на другой день утром. И не успел раздеться, как из горницы до него донесся не то вздох, не то стон. Он быстро прошел туда и увидел на постели жену. Она лежала ничком, обхватив подушку.

— Катя... Катюша...— позвал он, каким-то особым чувством понимая, что случилось непоправимое несчастье.

Она резко подняла голову. В ее глазах стояли злые слезы.

— Чего тебе надо? — Она посмотрела на него, как на чужого.

— Да что случилось-то? — спросил он, подходя ближе.

— Через слезы я тебе говорю, Вася... Ошиблась в тебе. До чего же нехороший ты!

— Да чем? — уже догадываясь, что она знает о его поездке в обком, спросил Малахов.

— Мне Шершнев все рассказал. Вечером позвал к телефону. И не стыдно тебе губить меня? На ферму захотел отослать?

— Он тебе сказал? — чуть не шепотом спросил Малахов, хотя в душе и не думал ничего от нее скрывать. И сразу понял, каким же он должен казаться в ее глазах низким.

И верно: она смотрела на него чуть ли не враждебно. Вспомнила Георгиевский зал в Кремле, высоких по духу людей, ту торжественность и чистоту, которые ее окружали тогда, вспомнила и устало сказала:

— Не говори ничего, Василий... И не подходи!

Она повязала голову платком и ушла.

Малахов долго стоял посреди кухни.

— Что же мне теперь делать? — вслух проговорил он.

Вышел на улицу. Солнце сияло на небе. Весело по-

тряхивали молодой листвой березы. Высоко в небе летали ласточки. С поля доносилась чья-то песня. Опустив голову, он пошел на этот далекий голос. «Из-за моря, моря теплого птица прилетела», — вспомнились слова Катюшиной песни. К сердцу подступила боль, хотелось плакать от громадного желания мира и любви.

Малахов шел медленно, напрямую, без дороги. Буйно зазеленевшая трава мягко касалась его ног. Покорно ложилась под его сапогами. Прижатая к земле, она несколько минут лежала, сохраняя след, потом начинала подниматься и, встав, весело качала верхушками, радуясь солнцу, ветру, жизни.

До самой Волги, если идти луговиной, попадаются небольшие бочажины, полные до краев воды. В летний зной, сухо потрескивая крыльями, летают над кувшинками стрекозы. В густой траве целыми днями неутомимо стрекочут кузнечики. Цветут травы...

Малахов, словно в последний раз, глядел на все это. И подмечал то, чего никогда не приходилось ему видеть. Вдруг колокольчики начинали раскачиваться, и ему казалось — до него доносится их нежный звон. Ромашки становились похожи на загорелых девчат в белых платьях. Они смотрели на него и о чем-то шептались. Чуть ли не из-под ног выпархивали жаворонки и, не боясь его, пели ему песни. Налетал ветер с Волги, играючи тормошил травы, дергал кусты, дул на воду в бочажинах. Все оживало, радовалось ему: колокольчики сильнее звенели, ромашки склонились еще ближе друг к другу, поверяя свои луговые тайны. Кусты припадали к воде, чтобы не тревожилась мирная гладь бочажин.

И оттого, что здесь было так хорошо, еще сильнее становилась боль в сердце у Малахова.

Он вышел на Волгу. Воспоминания обо всем добром, счастливом, что было связано с Катюшей, хлынули на него. Столько родного было в этой большой красивой реке! Легко и величаво несла она свои прохладные воды. В них отражались небо, солнце, берега, птицы, города, пароходы. И все это было чистое и прекрасное. И на какое-то мгновение Малахову показалось, что не было страшного утра, когда Катюша смотрела на него злыми глазами, не было тяжелого раз-

говора — ничего не было. Но тут же все это встало перед глазами так явно, что он чуть не застонал. Не может быть, подумал он, этого не было. Ведь ничего плохого он ей не хочет. Он ее любит. Надо объяснить. Она поймет. И тогда все будет хорошо. Вернется спокойное счастье.

С жалобным писком упал камнем с поднебесья ястреб. И через минуту стал медленно подниматься, держа в когтях серую птицу.

Торопливо, словно боясь опоздать на поезд, Малахов пошел обратно. И чем ближе подходил он к дому, тем быстрее шагал. Запыхавшийся, встревоженный, вбежал в дом. И, не веря глазам, все смотрел, искал Катюшу и в кухне и в горнице. Но ее не было.

Напрасно он ждал ее в этот день. Она не пришла. Ее вызвали в облисполком. А когда через два дня вернулась, это была совсем другая женщина. Ей не было никакого дела до Малахова.

10

Продолжая любить ее, он все же решил уйти. Все эти дни Екатерина Романовна старалась его не замечать. Малахов понимал ее: то, о чем он говорил с Шершневым, она восприняла как самый бесчестный поступок, и никакие теперь слова и заверения не могли открыть ей ту единственную правду, рожденную любовью к ней, с какой он шел тогда к Шершневу.

«Прощай, Катя!

Я ухожу, так лучше. Жаль Олюньку. Наверно, ей будет грустно. Дети всегда страдают, когда родители живут не в ладу. У нас было много хорошего, поэтому особенно трудно уходить.

Василий»

Малахов положил записку на стол. Прижал ее, чтобы не сдуло ветром, Олюнькиной чернильницей. Долго стоял, не решаясь уйти из дому. Потом взял чемодан и, не оглядываясь, покинул дом.

Когда Екатерина Романовна вернулась домой (она была на совещании в МТС), застала Олюньку в слезах. Кусая губы, она подала матери письмо. Это была уже большая девочка, рослая, ясноглазая, в мать. Дяденьку Васю она любила, как отца. За все время, с тех пор как он пришел к ним в дом, ни разу ее не обидел. Он умел из пустяков делать ей счастье. Еще задолго до клубного вечера говорил о том, что непременно ее возьмет с собой, что ей надо принарядиться. И Олюнька всю неделю, до воскресенья, жила этой радостью. Теперь этого больше не будет.

Когда она была маленькой, не было праздника, чтобы он не сделал ей подарка. Она еще спит, а уже рядом, возле подушки, лежит подарок. И стоит ей только проснуться, как она увидит его. И тогда, вскочив с кроватки, она бежала в одной рубашонке к дяденьке Васе и, повиснув на его крепкой шее, болтала от восторга ногами. Малахов, словно его щекотали, заливисто смеялся. Глядя на них, смеялась Екатерина Романовна.

«Да не меня, не меня, маму целуй!» — кричал дяденька Вася.

«И маму, и маму!» — кричала Олюнька и бежала к матери.

Неужели не будет больше этих счастливых минут?

Это он научил ее делать уроки. Все говорил, что она и сама справится, без его помощи. Теперь ей четырнадцать лет. Семилетку окончила на «отлично». Дяденька Вася говорил ей: «Надо дальше учиться». Говорил, а сам уехал...

— Мама, зачем же он уехал? Мама!

В открытое окно донесся с Волги протяжный гудок парохода. Екатерина Романовна кинулась к окну.

В синем сумраке величественно и строго плыл белый пароход. Вот он зашел за церковь, скрылся. Потом медленно начал выходить, с освещенными иллюминаторами. Становился все больше, больше, оторвался от церкви и, быстро удаляясь, скрылся за маслозаводом. Потом еще раз показался. И долго Екатерина Романовна смотрела ему вслед, пока он не стал еле различим. Но даже и тогда, когда его уже совершенно не было видно, она все еще смотрела ищущим взглядом.

Может, на этом пароходе уезжал Василий. И впервые за последнее время она вдруг подумала о муже беззлобно, как о самом дорогом, близком ей человеке, и со всей ужасающей ясностью поняла, что он от нее ушел. И что она никогда больше не увидит его. Где он? Куда ушел? Велика страна...

1955

Сергей Алексеевич Воронин

НЕНУЖНАЯ СЛАВА

Повесть

Редактор **В. Серганова**
Художник **С. Соколов.**
Художественный редактор **Г. Свеников**
Технический редактор **В. Тушева**
Корректор **Т. Люборец**

ИБ № 4816
Сдано в набор 16.12.85. Подписано к печати 04.02.86. Формат 84x108/32. Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,78. Уч.-изд. л. 3,33. Тираж 200 000 экз. Заказ 4770.
Цена 20 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Росполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
445043. Тольятти, Южное шоссе, 30

20 коп

·Современник·

